

ЛАРИСА СОБОЛЕВА

ЗАМКНУТЫЙ КРУГ ОБМАНА

ТАМ, ГДЕ НАСТОЯЩЕЕ
ПЕРЕПЛЕТАЕТСЯ С ПРОШЛЫМ, —
ВОЗМОЖНЫ НЕОЖИДАННЫЕ
ПОВОРОТЫ СУДЬБЫ...

ДЕТЕКТИВ
ПО НОВЫМ ПРАВИЛАМ

Лариса Соболева
Замкнутый круг обмана

«АСТ»

2015

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Соболева Л.

Замкнутый круг обмана / Л. Соболева — «АСТ», 2015

ISBN 978-5-17-087816-1

Могила матери была единственным местом, где Алекс появлялся без телохранителей. Убийца точно знал день и час и оказался там раньше. Босс смертельно ранен, а бывшие компаньоны и друзья уже слетелись на дележку. Каждый из них знает, что Алекс владеет убийственным компроматом на всю преступную элиту города и на кого-то из бывших друзей. Умиравший Алекс подозревает, что его таинственный убийца среди них, понимает, что ему необходимо передать эти материалы надежному человеку. И ему это удастся сделать. Компаньоны подозревают, что Алекс передал бумаги своей домработнице, и после его смерти начинают шантажировать бедную женщину. Ранее книга издавалась под названием «Пояс неверности»

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-087816-1

© Соболева Л., 2015
© АСТ, 2015

Содержание

1	6
2	11
3	15
4	20
5	24
6	28
7	34
8	39
9	43
10	48
11	53
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Лариса Соболева

Замкнутый круг обмана

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

© Л. Соболева

© ООО «Издательство АСТ», 2015

1

Март выдался очень холодным, что в этих южных краях, на Черноморском побережье, бывает крайне редко. Пронизывающий ветер истязал голые ветки деревьев, пригибал стволы к земле, они трещали, будто вот-вот переломятся. Вот уже два года Алекс регулярно посещал могилу матери, и никакая непогода не была тому помехой. Он торопливо шел по аллее, сжимая в руках, обтянутых лайковыми перчатками, внушительный букет гвоздик. Огромный черный дог, семена рядом на длинных ногах, с тоской поглядывал вокруг. Алекс не разрешал задирать ногу у кустиков и плит, наказывал, поэтому пес не любил это место.

– Алекс! Погоди!

Оба остановились и обернулись на зов. К ним подбежал Каракуль – глава телохранителей Алекса. Прозвали его так из-за курчавых рыжих волос, которые он стриг очень коротко. Каракуль – большой, сильный, с постоянной трехдневной щетиной на широких скулах и подбородке. Некоторые считали его неумным, но он о себе был иного мнения. Впрочем, еще никто не осмелился при нем высказаться по поводу его ума.

– Я все же пойду с тобой, – сказал Каракуль.

Алекс нахмурился. Он слыл человеком суровым, и нехорошо будет, если кто-нибудь увидит скупую мужскую слезу – признак слабости, а она прольется.

– Нет, – отрезал. – Возвращайся в машину и жди там.

Алекс и дог пошли дальше по аллее, а Каракуль некоторое время смотрел им вслед, затем зло сплюнул и двинул к выходу, пробормотав под нос:

– Ну и черт с тобой.

Пройдя еще немного, Алекс свернул. Уверенно огибая могилы, прошел в глубь кладбища, остановился у гранитной плиты с высокой стелой, на которой выделялась фотография матери. Неожиданно пес залаял, став в стойку и готовясь сорваться с места.

– Сидеть! – приказал Алекс.

Дог нехотя подчинился приказу, но продолжал высматривать что-то вдалеке. Алекс опустил руку в карман пальто, сжал пистолет и огляделся, но за голыми кустарниками и деревьями ничего опасного не увидел, погладил пса между ушами:

– Кошку заметил? Спокойно, Радж, спокойно.

Он аккуратно положил цветы у основания стелы, уселся на край плиты и остановил взгляд на фотографии. Вот и навернулись слезы. Алексу сорок восемь лет, а здесь он становится ребенком, до сих пор оплакивающим маму. Пес зевнул и улегся у ног хозяина, который достал плоскую бутылку из внутреннего кармана, отвинтил пробку, немного отпил.

– Трудно мне без тебя, – тихо сказал Алекс, смахивая слезу.

Дог заскулил, глядя на него: мол, не пора ли домой, а то холодно, но Алекс оставался неподвижным, думая о матери. Единственная на свете женщина любила его бескорыстно, как и он ее. Посидев минут пять, Алекс поднялся, еще отхлебнул из бутылки, поднял глаза к небу. Оттуда сыпались мелкие и редкие снежинки...

Внезапно Алекс дернулся, глухо охнул, отчего пес мигом приподнялся, непонимающе уставясь на хозяина. Бутылка с коньяком выпала, цокнула о гранит и разбилась. В холодном воздухе распространился запах коньяка и крови. От боли Алекс сгибался все ниже и ниже, зажимая рану на груди обеими руками, сквозь которые проступила кровь. Встав коленями на могильную плиту, он с трудом выговорил:

– Радж... взять... Фас! Фас!..

Фас! Пес беспокойно огляделся. Меж памятниками и крестами мелькала фигура человека. Дог сорвался с места и огромными прыжками понесся вдогонку. Убегавший слышал за спиной тяжелое, не предвещавшее ничего хорошего дыхание пса, оглянулся на бегу. Ругнув-

шись, выстрелил в дога, но не попал. Прибавил скорости, не хуже собаки перескакивая препятствия. По крутому склону, уже за кладбищем, почти летел, сбегая вниз, где на пустыре ждала машина. Но на полпути Радж настиг парня, прыгнул и повалил. Падая, молодой человек заорал с ужасом, закрывая голову руками, в одной из которых сжимал пистолет с глушителем:

– Стреляй! В пса стреляй! А!.. А!..

Дог рвал куртку, яростно рыча. Клыки погрузились в спину, молодой человек взвыл от нестерпимой боли. В этот момент из машины грянул выстрел...

– Слышал? – насторожился в автомобиле Каракуль, обращаясь к охраннику сзади.

Второй телохранитель был ростом много ниже Каракуля и с лицом, которому место на пятах с надписью «Их разыскивает милиция». Он дремал на заднем сиденье и сонно пробормотал:

– Угу. Воронье раскаркалось.

– А ты, Васильич, слышал? – спросил Каракуль пожилого водителя.

– Вроде бахнуло... – пожал тот плечами, разглаживая усы.

– На выстрел похоже, – сказал Каракуль.

– Не, – покачал головой Васильич. – Пацаны шалят, взрывпакет это.

На свидание с мамой Алекс всегда ходил в сентиментальном одиночестве. Это единственное место, где он появлялся без телохранителей, вызывая каждый раз в Каракуле бурю негодования. О поездке на кладбище никто не знал. Обычно становилось известно, куда направляется Алекс, часа за два. Да и знали лишь те, кто его сопровождал. Поэтому Каракуль, предполагая, что узнать о сегодняшней поездке никто не мог, не помчался на хлопок. К тому же прозвучал он за кладбищем, а не внутри территории, где находился Алекс. Успокоенный, Каракуль, надвинул кепку на нос, погрузился в свои мысли.

...Грянул выстрел, взметнулись в небо с громким карканьем напуганные вороны, а Радж заметался на месте, отпустив жертву и жалобно повизгивая. Пуля попала псу в ляжку. Парень воспользовался беспомощностью дога, вскочил, матерясь, добрался до авто.

– Самвел, быстрее! – подгонял из машины напарник, выстреливший в дога.

Самвелу было невыносимо больно, он повалился на заднее сиденье ничком и застонал. Тем временем опомнившийся разъяренный дог успел настигнуть и вцепиться в ногу клыками. Самвел заорал, переворачиваясь на спину, двинул пса два раза сапогом по морде. Радж уже не заскулил от ударов, а отпрянул, сжимая челюсти. В его пасти остался клочок штанины. Машина рванула с места, подскакивала на кочках, болтая открытой дверцей. Радж попытался догнать, но рана не позволяла свободно ступать, расстояние увеличивалось, дог безнадежно отставал. Высунулась рука с пистолетом. Самвел прицелился, бесшумно выстрелил в пса и снова промазал. Вскоре машина скрылась за рошей, а Радж, ковыляя и сжимая в челюстях окровавленный клоч материи, вернулся к хозяину.

Алекс лежал, свернувшись калачиком и прижимая к груди руки. На плите растеклась красная лужица. Несколько струек сползли в землю, быстро впитывающую кровь, словно воду. Пес положил возле лица Алекса свой трофей: дескать, смотри, не даром я у тебя мясо ем, но хозяин даже не пошевелился, не открыл глаз. Радж гавкнул пару раз, наклоняя голову то на один бок, то на другой и не понимая, почему Алекс не встает. Заскулил. Лизнул лицо. Алекс оставался неподвижным. Запах крови, своей и хозяина, разволновал собаку. В замешательстве дог потоптался на месте, рванул было к выходу, туда, откуда они с Алексом пришли, но остановился. Собственная рана кровоточила, жгла. А хозяин лежал без движения на сырой земле, чего раньше никогда не делал, значит, он не способен встать, следовательно, его нельзя бросить.

Радж вернулся, головой повернул Алекса на спину. Тот вытянул ноги, но рук от груди не отнял. Дог взял воротник кожаного пальто в зубы и потащил Алекса к выходу, пятясь задом. Он огибал холмики и плиты, задняя нога едва касалась земли, от боли негромко скулил, но тащил хозяина к людям, теперь помочь могли только они. Иногда останавливался, глядел назад, словно вычисляя расстояние, вновь брал в зубы воротник и волок за собой. Безвольное тело отяжелело, к тому же Алекс – мужчина большой, упитанный. Но и Радж не маленький, его часто шутники награждали прозвищем Лошадь или Слон. Да, он крупный, чему способствовал Алекс, откармливая любимца отборным мясом. Хозяин... он самый лучший, но с ним случилась беда, эта беда пришла от того, кто убежал. Радж запомнил его запах и вкус крови. Тяжело. Радж тащил Алекса уже по центральной аллее кладбища.

Алекс пришел в себя, открыл глаза. Его встретило серое небо, исполосованное ветками деревьев, которые раскачивались от ветра. Он же, ветер, закручивал мелкие и редкие снежинки в воздухе... Воздуха!.. Алекс попытался вдохнуть, но страшная боль пронзила все тело. Он только понял, что его тащит кто-то по земле, уловил над головой частое и тяжелое дыхание, догадался, что это Радж. Алекс даже не слышал этого проклятого выстрела, а лишь ощутил толчок, разорвавший грудь. О, эта боль... Он успел увидеть совсем еще молодого парня, который после выстрела опустил пистолет и сорвался с места. Выходит, тот парень убил его? Убил! Значит, смерть? Так просто? И так больно? А ему не хотелось умирать! Но пока он еще жив. Алекс с трудом пошевелил губами:

– Радж... Радж...

Пес бросил ворот, обрадованно твякнул и ждал, что еще скажет хозяин. Алекс молчал, собирал силы, которых оставалось все меньше и меньше. Не дождавшись команды, дог провел шершавым и мокрым языком по лицу Алекса.

– Голос, Радж... голос... – выговорил тот.

– Гав! Гав! – отозвался дог на знакомую команду.

Алекс надеялся, что Раджа услышат телохранители, придут на помощь. Но только ветер отозвался на лай новым завыванием. Собственно, даже если и услышат, подумают, что шеф возвращается, значит, останутся на месте. От земли тянуло холодом, застыла спина, занемели ноги. Видимо, и Радж понял, что на зов никто не придет, потому взял в пасть воротник пальто и поволок беспомощного хозяина к выходу. Алексу оставалось ждать, чувствуя, как из него вместе с кровью вытекает жизнь. Он прикрыл веки.

– Спасибо... Радж... – произнес едва слышно.

Следующий лай раздался у ворот. Телохранители очнулись от спячки, нехотя вышли из машины. Каракуль, завидев Раджа одного, приподнял брови:

– Братва, а где Алекс?

Тем временем пес призывно залаял и скрылся за воротами. Каракуль и второй охранник по кличке Кизил, ленивый и с вечно кислой физиономией, потому и получил такую кличку, поспешили за догом. Алекс лежал метра в двадцати от ворот посреди аллеи. Его перенесли в автомобиль, и пока суетливо укладывали, Радж убежал на кладбище. Кизил на заднем сиденье уложил корпус шефа на колени, придерживал руками. Каракуль плюхнулся рядом с водителем:

– Жми на газ, Васильич!

– Погодите! – остановил их Кизил. – Алекс чего-то базарит... не пойму.

– Радж... Радж... – шептал шеф, теряя сознание.

– Где Радж? – понял Каракуль.

– Был здесь только что, – проговорил Васильич, готовя машину к старту.

– Ладно, жмите в больницу, – приказал Каракуль, вылезая из авто. – Пойду искать пса, а то Алекс нам головы снесет. Гони, Васильич. Я следом за вами приеду. Нашим сообщите...

Машина умчалась на сумасшедшей скорости, а Каракуль, ругая вслух строптивного дога, озирался. Дело в том, что Кизила пес вообще в упор не видит, а с Каракулем кое-как мирится.

Поэтому и пришлось начальнику охраны самому остаться из-за собаки, чтобы доставить ее в целостности и сохранности домой. Но вот дог выбежал из ворот кладбища. Не увидев машины и хозяина, завыл, нервно перебирая мощными лапами. Тут только Каракуль заметил, что пес хромает на заднюю ногу, а на ляжке у него рана. Он взял Раджа за ошейник, осмотрел рану:

– Так, и тебе досталось. Ну, узнаю кто – в стужу превращу! А это что? Дай! – Каракуль протянул руку к тряпке, торчащей из пасти, и сразу отдернул, так как Радж угрожающе зарычал. – Ну и не надо. Что ж, идем тачку ловить.

Выйдя на проезжую дорогу, остановил такси, но водитель запротестовал:

– Куда с собакой? Пеший чеши... Он еще и в крови! Сиденье загадит!

– Плачу двойной тариф, – сказал Каракуль, пропуская Раджа на заднее сиденье. – Песик смирный, не бойсь.

– Он мне башку откусит! – И водитель вжал голову в плечи, ощутив на затылке горячее дыхание «песика».

– Слушай, кончай месить языком, – миролюбиво улыбнулся Каракуль. – Сказал – вези, значит, вези. Получишь тройную таксу. А если я передумаю, повезешь бесплатно, понял?

И в доказательство приоткрыл куртку. Ремни, переплетавшие плечи, дали понять таксисту, что пассажир – мужик серьезный. На ремнях держится кобура, а в ней, как известно даже школьнику, ствол. Матерясь про себя, таксист повез братка и его зверя по указанному адресу.

Сидевший за рулем Дудин, мужчина лет тридцати пяти, коренастый и крепкий, с неприемлемым лицом, которое закрывала густая короткая борода, оглянулся:

– Что с Алексом? Самвел, слышишь?

– Да... – выдавил тот, корчась на боку от боли. – Хана ему... Не могу, больно...

– Терпи, дорогой, ты мужчина. Лежи тихо, не высывайся.

Нагло проезжая мимо отделения милиции, не мог не заметить там суету. В машины прыгали легавые, значит, им уже стало известно об убийстве Алекса. Благополучно миновав центр, вскоре приехал на место – к добротному дому из красного кирпича, обнесенному высоким деревянным забором. Не заглушая мотора, вышел, не торопясь открыл ворота, приветливо кивнул соседке, проходившей мимо, и вернулся в машину. Подкатил почти к порогу флигеля и повернулся к Самвелу:

– Давай-ка пулей лети во флигель, пока соседей в окнах не видно. Ствол спрячь.

Самвел, охая, выбрался из машины и, волоча ногу, вбежал в домик. Сразу повалился на кровать с панцирной сеткой, заскрежетавшей под его тяжестью. Видок у него был, прямо сказать, тот еще. Бледный, с посинелыми губами, по лицу катился пот, руки тряслись. Дудин помог снять изодранную куртку, затем рубашку, взглянув на спину, присвистнул. Под правой лопаткой рваная рана, ошметки мяса кровоточили. Левая нога представляла собой не лучшее зрелище, икру будто ровненько разрезали сзади двумя ножевыми ударами. Самое паршивое – без хирурга не обойтись, требовалось зашить раны. Но Дудин не кинулся к телефону вызывать врача и, естественно, не повез Самвела в травматологию. В доме нашел аптечку, принялся оказывать посильную помощь, протирая раны перекисью водорода, смазывая вокруг йодом и сосредоточенно думая, что делать. Самвел рычал от боли и грыз зубами подушку, но сообразил:

– Укол надо против столбняка...

– Надо, – согласился Дудин, продолжая скрупулезно обрабатывать раны. – Постараюсь добыть. Все путем сделаем. Но сами. А в больницу нам нельзя. Чего ты пса не пристрелил?

– Попробуй попади в него... – огрызнулся Самвел, молодой человек лет двадцати пяти, приятной наружности, говорящий с небольшим кавказским акцентом. – Я стрелял... Он как мятник... У, гад, убью собаку, клянусь.

Перевязав Самвела, Дудин налил в стакан коньяка пополам с красным вином – смесь, восстанавливающая силы и действующая как анестезия, протянул напарнику:

- Пей. Уснешь, а я поеду доложу и, возможно, привезу врача.
- Привези, я подышать не хочу.

2

Созвонившись с Кизилом, Каракуль узнал, что больница поднята на уши.

– «Наши» прибыли, охраняют входы и выходы, посетителей проводить больных не пускают – перебыются покуда. Алекс в операционной, сам Хачатур Каренович приехал.

– Понял, – сказал Каракуль. – Давай тащи сюда тоже хирурга, Радж ранен.

– Так вызвали всех, какие есть в городе. Все в операционной с Алексом.

– Ничего не знаю, бери, где хочешь, хирурга. Пулю надо вынуть, иначе Алекс... сам знаешь, что с нами сделает, понял?

– Если выживет, – угрюмо буркнул Кизил.

– К Хачику обратись, он найдет врача. Давай не тяни.

Абсолютно все были в курсе искренней привязанности Алекса к догу, поэтому просьба найти для него хирурга не удивила Хачатура Кареновича. Через час Кизил с Васильичем привезли врача, которого ввели в спальню Алекса, где на ковре в углу лежал пес, зализывающий рану. Радж предупредительно зарычал. Врач, сухощавый и пожилой человек в очках, попятился, недоуменно вымолвил:

– А... где пациент?

– Так вот он, – кивнул на пса Каракуль, улыбаясь. У него довольно приятная, простецкая и дружелюбная улыбка. Надевает ее при каждом удобном случае, чтобы расположить к себе людей, которые при первом знакомстве обычно сторонятся Каракуля.

– Но это же собака! – пролепетал хирург, отступая спиной к двери. – Я людей, извините... Вам нужен ветеринар.

– Ты че, учить меня будешь, кто нам нужен? – хмыкнул Каракуль, перегородив собой дверной проем. – Короче, за нашего песика ты получишь бабок столько, сколько загребаешь за год в своем лазарете, понял? А если будешь базарить, а не делом заниматься, я тебе глаза на затылок натяну, понял?

И Каракуль покосился с довольным видом на Кизила: мол, как шутка? Тот одобрительно заржал. Врач нахмурился и опасно посмотрел на собаку. «Песик», в свою очередь, внимательно изучал чужака, вывалив язык величиной с лопату, а головка «песика» была с голову теленка... нет, пожалуй, больше. Из пасти торчали клыки, можно сказать, драконьи, а не собачьи. И вдруг Радж громогласно гавкнул, возмутившись бесцеремонным разглядыванием. Хирург, вздрогнув всем телом, сразу решил на возражения:

– Ребята, что хотите делайте, но без ветеринара не обойдемся. Я даже не знаю, какой наркоз дают животным. Сами посмотрите, он же меня не подпустит, разорвет.

– Верно, – дошло наконец до Каракуля. – Кизил, тащи ветеринара.

Кизил протискивался в узком дворике между старухами с кошками, детьми с крысами, дамочками с собаками. Все ждали своей очереди, видимо, ждали долго, потому разволновались, когда детина с рожей висельника беспардонно подошел к заветной двери:

– Вы куда? На прием? Очередь займите!

– Ша! – гаркнул Кизил, поморщившись и подняв руки вверх.

Оттолкнув пацана с щенком в руках, вошел в домик, похожий на сарай. Завидев неказистую девушку в белом халате, ткнул ей пальцем в грудь:

– Ты ветеринар?

– Я медсестра, – убрала она его руку.

– Что вам, молодой человек? – строго спросила тетенька в очках, писавшая что-то за столом. – Ветеринар я.

– Тогда собирайся. Собачку надо полечить.

– У меня прием... – возразила тетенька еще строже.

– А у меня времени нету, – сказал Кизил, сложил руки на груди и свирепо посмотрел на тетеньку, дескать, я против тебя ничего не имею, но... сама понимаешь.

Она, конечно, поняла. Покидала в кофр инструменты, какие-то ампулы, мази в склянках, попутно поинтересовавшись, что с собачкой. Людям во дворе объявила:

– Приема больше не будет.

– Как?! Почему?! Что за безобразие! – раскричалась публика, но Кизил и ухом не повел, прошествовал сквозь толпу, подталкивая вперед ветеринара.

– Вы же говорили – собачка, – обомлела ветеринар, увидев Раджа, – а это... это...

– Зверюга, – подсказал хирург.

– Наденьте намордник на собаку, что ли... – попросила ветеринарша.

– Хотел бы я посмотреть на того, кто наденет на Раджа намордник, – сказал Каракуль, хмыкнув. – Ему сроду намордник не надевали.

– Я не прихватила ружье, – растерялась она и обратилась к Кизилу: – Вам надо съездить и привезти. Медсестра должна быть на месте. Я боюсь к нему подойти.

– Кизил, ты дятел? – набросился на напарника Каракуль. – Ты че, не посвятил ее? Вали теперь и вези пушку с медсестрой на пару, понял?

Зато дог оказался не дятлом. Подозревая, что люди затеяли против него заговор, угрожающе рычал и передней лапой время от времени ударял по полу, предупреждая: если кто вздумает приблизиться – пожалеет. Когда Кизил привез медсестру и так называемое ружье – длинную трубку, сконструированную по типу духового ружья папуасов, – ветеринарша, заряжая его ампулой с иглой, спросила совета у хирурга:

– Может, ему двойную дозу? А?

– Ну уж не знаю, – развел тот руками, – собаки по вашей части. Но чтобы трупом лежал.

– Тогда тройную, – вздохнула она.

– Граждане врачи, погодите! – выступил Каракуль. – А после вашей тройной дозы он не того?.. Не очокурится?

– Это всего лишь обездвиживающее лекарство наркотического свойства, а не яд, – успокоила ветеринарша и протянула штуковину Каракулью. – Будьте добры, у вас, видно, есть опыт стрелять на расстоянии. Это просто, направляете на пса и резко дуετε в противоположный конец.

Каракуль дунул несколько раз. Радж ощерился, показывая клыки, но лекарство подействовало быстро. Вскоре пес лежал на боку. Каракуль воскликнул:

– Готов! Прошу вас, граждане врачи, не стесняйтесь.

– Вы сначала убедитесь, что он спит, – перестраховался хирург.

– Пожалуйста, – широко улыбнулся Каракуль, подошел к собаке, погладил по шее. – Спит как сурок. А это что?

Под передними лапами дога лежал лоскут. Каракуль брезгливо взял грязный лоскут двумя пальцами и отправился на кухню, приказав врачам начать операцию.

На кухне у окна сидела, пригорюнившись, Лия – домработница Алекса. Ей двадцать пять, живет здесь же в маленькой комнате с семилетним сыном Антошкой. Завидев ее, Каракуль остановился с вытянутой вперед рукой. Что поделатъ, при ней в жилах Каракуля прекращается всякое движение крови.

Лия – лучший образец ассимиляции славянских и кавказских народов. Она никогда не пользовалась косметикой, однако и без того губы были красные, брови черные, цвет лица персиковый, волосы темно-каштановые, пышные, спускались до лопаток. Лия высокая, ноги у нее длинные, и грудь красивая, и сзади все как положено, короче, не скелет, обтянутый кожей. Но самое замечательное в ней – огромные черные глазищи с длинными ресницами и чувственный

рот, сводившие Каракуля с ума. Его не раз подмывало дернуть за ресницы, проверить, настоящие или нет. И при такой внешности Лия была замкнутая, притягивая к себе мужчин, отвергала любые попытки сближения, ни для кого не делая исключений. Пробовал как-то Каракуль в лирическом порыве уложить ее прямо на кухне, так она надела ему на голову кастрюлю с сациви, благо, хоть не горячую! Затем убежала к Алексу, стала у стены, и ни слова. Тот: мол, в чем дело? Каракуль ворвался разъяренный, как лев, по роже и телу соус растекался. Алекс догадался обо всем, расхохотался, потом выпроводил Лию, а Каракулю лекцию прочел:

– Тебе баб мало? Какая разница – Лия или другая? Они все одинаковые. Сходи на набережную, там таких навалом и даже лучше. А Лию не трогай, раз не хочет. И запомни: на территории города она под моим покровительством. Если кто из вас причинит ей зло, мы с Раджем вам головы откусим. Верно, Радж?

– Гав! Гав! – ответил пес, словно понимал, о чем шла речь.

Больше Каракуль ее не трогал, а зудело. Нет, он не стал бы ее бить. Но реванш взял бы с удовольствием, если бы не Алекс. И кто мог подумать, что Лия решится на такое? Да он хотел осчастливить ее, заодно и себя, ведь одна же, чего ломаться? Подумаешь – не нравится он ей! Это дело наживное, понравится, когда попробует, – убеждал себя Каракуль. И продолжил настойчивые преследования, но теперь уже без наглых приставаний, а просто постоянно находился рядом, когда не надо было охранять Алекса, являясь живым напоминанием: или я, или никто.

...Лия повернула к нему печальное лицо, увидела лоскут.

– Что это? – спросила.

– Выкинуть, – очнулся Каракуль, а она отвернулась.

Бросил лоскут в мусорное ведро, потоптался. Однако не нашел, о чем с ней можно поговорить, направился к выходу. Она остановила:

– Скажи, Александр Юрьевич выживет?

Каракуль подошел к ней, но Лия все так же смотрела в окно. Ресницы слиплись, значит, плакала. Вообще-то ей было о чем беспокоиться: неизвестно, кто придет в этот дом в случае смерти Алекса, а Лии с сыном идти некуда. Розовая косынка прикрывала волосы, две пряди выбились, расплзлись по длинной шее. Шея у нее – полный отпад. А талия... тоненькая-тоненькая, сроду за такую не держался. Каракуль сглотнул слюну, положил ладонь на ее плечо и сказал неуверенно:

– Он сильный мужик, здоровый... не плачь.

И погладил по шее. Лучше бы этого не делал, внутри все взбунтовалось. Лия даже не заметила, бесчувственная. Он достал из холодильника банку пива, ушел, вытирая пот со лба.

Пулю вынули, наложили повязку. Радж безмятежно храпел. Каракуль проводил хирурга в ванную, где тот вымыл руки, с любопытством рассматривая чудеса сантехники, ибо ванная Алекса – это неопишуемая роскошь. Сухо поблагодарив охранника, хирург вернулся в спальню. Там ветеринарша воодушевленно долдонила о мерах предосторожности, когда надо будет привести пса на перевязку, с удовольствием раздавала бесплатные советы. Ветеринарская медсестра сидела в кресле, поджав ноги и поставив ступни носками внутрь. Каракуль, сам далеко не образец красоты, терпеть не мог некрасивых баб. Ему всегда хотелось прихлопнуть их как мух, чего таким зря небо коптить? Потому и уставился на медсестру, как на кусок дерьма на ботинке. Та надвинула юбку на колени. Каракуль рассмеялся про себя: вот дура, что она вообразила, кикимора? Тем временем хирург, вытирая тщательно и долго полотенцем руки, глядя на Раджа, поинтересовался:

– А что за камни сверкают у него на ошейнике?

– Алмазы, – ответил Каракуль, словно алмазы на ошейнике вещь обычная.

– Да? – только и поднял брови хирург.

Расплатились с медициной, выпроводили вон, то есть Васильич всех повез по домам. В гостиной дремал перед телевизором Кизил. Сашко – еще один постоянно проживающий в доме охранник со странным пристрастием к чтению книг, – нес вахту в больнице. Каракуль плюхнулся в кресло, крикнул:

– Лия! Принеси пива!

– Че орешь? – вяло промямлил Кизил, не открывая глаз.

Лия принесла и поставила поднос с пивом и высокими стаканами на низкий стол из прозрачного пластика, повернулась, чтобы уйти. Каракуль взял ее за руку, взял нежно, насколько умел, предложил без намека, ну совсем без задней мысли:

– Посиди с нами. Пивка попей...

– Мне уроки с Антошкой делать надо, – высвободилась она и ушла.

Каракуль вздохнул с обидой, открыл пиво, а Кизил сонно пробубнил:

– Че ты с ней фа-фа разводишь? Я бы на твоём месте...

– Ты уже был на моём месте, – мстительно напомнил Каракуль, отхлебывая пиво.

– Да я просто так к ней клеился.

– Ага, ага, – саркастически произнес Каракуль, мол, знаю я тебя, кобеля.

В свое время, застукав Кизила за приставаниями к Лии, предупредил:

– Не мне, так никому, понял? А будешь лезть к ней, яйца отрежу и Раджу скормлю.

Говорят, это деликатес для зверей типа Раджа, внял?

Как-то и Сашко, только-только поступив на службу, вздумал кренделя выписывать вокруг нее. Однажды в охотничьем домике Алекса, расположенном среди дивной природы в горах, Сашко на глазах у всех подарил ей букетик лесных цветов. Что взбесило Каракуля, так это то, как с восторгом приняла Лия букет. Каракуль сделал внушение Сашко, подкрепив ударом в челюсть, после чего желание дарить цветочки у парня отпало. А он на следующий день поехал в цветочный магазин и купил пять разновидностей цветов, да каких! Массивных, в больших горшках – размером с ведро! Лия едва разместила их у себя. Решил так: пусть льет на цветочки воду и помнит о нем, каждую минуту помнит. Впрочем, жили они мирно с Кизилом и Сашко, которые не стали лезть на рожон из-за бабы. Правда, когда Каракуль бывал в духе, подтрунивали над ним, дескать, пора тебе оклад удвоить за охрану Лии. Действительно, при наездах в особняк большого числа людей он ходил за ней по пятам, не давая приблизиться ни одному мужчине.

Каракуль допил пиво, схватил куртку и кепку, вышел во двор, одеваясь на ходу. Дело шло к вечеру. Землю слегка запорошило снежком, ветер становился крепче. На юге ветры частые гости, промозглые, холодные, продувают насквозь. Еще неизвестно, что лучше: сорок градусов мороза или шквальный ветер. Сибиряк Каракуль предпочел бы мороз. Он выкатил иномарку из гаража, уже за воротами остановился, вернулся к дому и постучал в окно. Занавеска отодвинулась, выглянула Лия в домашнем халатике. А без косынки и фартука она красивей. Еще ему нравилось, когда распускала волосы, но в данный момент они небрежно сколоты заколкой. Тоже ничего, шея такая длинная, гладкая... Каракуль забыл, о чем хотел сказать.

– Чего тебе? – вывела его из задумчивости Лия.

– Ты это... запрись покрепче. В доме один Кизил, мало ли...

– Хорошо, – и задвинула занавеску.

Он достал сигарету, прикурил и побежал к машине.

3

Больница была окружена людьми, под кожаными куртками и плащами которых что-то выпирало. Наметанный глаз Каракуля определил: автоматы. Люди Алекса и Хачатура неспешно прохаживались по двору больницы, у всех входов и выходов. Лица их ничего не выражали, однако были серьезны и преисполнены чувства долга. Двое не пропускали в здание больницы пожилую женщину, та молила:

– У меня там сын после операции, я принесла ему поесть...

– Завтра приходи, мать, – равнодушно зевнул один.

– Поголодать полезно, – лениво бросил второй, – в особенности после операции.

А Каракуля пропустили, он ведь «свой», начальник охраны у Алекса. Правда, опростоволосился начальник, не уберег хозяина. Каракуль спросил, где найти Хачатура Кареновича, его направили в ординаторскую. Взбегая по лестнице, затем шагая по коридорам, заметил, как от него шарахались медработники, что Каракуля нисколько не трогало. Его мало кто знал, но сегодня здесь просто так не появлялись посетители, значит, он – важная персона, и лучше держаться подальше от лихого парня.

Хачатура Кареновича – армянина шестидесяти лет, тучного и важного, – нашел в кабинете главврача, где у дверей тоже стояла охрана. Хачатур озабоченно разговаривал с неизвестным, как сразу выяснилось, со следователем лет тридцати и приятной наружности. Он не выказывал своего отношения к происшествию, не заискивал перед Хачатуром, как заискивали все без исключения в этом городе, а был по-деловому строг и суров. Каракуль оперся спиной о стену, сунув руки в карманы куртки, ждал, когда они закончат. Оба лишь мельком взглянули на вошедшего телохранителя, следователь продолжил:

– Получается, вы совсем не в курсе его дел? Плохо.

– Пачэму? – Хачатур поднял брови. Говорил он с ярко выраженным акцентом, волнуясь, путал падежи и склонения, мужской род с женским. Детство провел в Грузии, затем жил в Дагестане и Армении, теперь же обосновался на берегу Черного моря. – Очень в курсе. Ми компаньоны, а у компаньонов курс адын.

– Угу, – насупился следователь. – Ну, тогда вы должны знать: может, ему угрожали раньше? По телефону звонили, письма подбрасывали с угрозами? Было такое?

– Такое? – переспросил Хачатур, почесывая залысину над лбом. – Не било такое, дорогой. Не помню.

– Но ведь на пустом месте выстрела тоже не может быть. – Очевидно, следователь устал толочь воду в ступе, уж больно тоскливо смотрел на собеседника. – Из-за чего-то возникла вражда, как следствие этой вражды в Александра Юрьевича выстрелили, так?

– Правильно говоришь, – похвалил Хачатур. – Вот ты и найди, малчик...

– Меня зовут Артем Игоревич, – поставил на место Хачатура следователь.

Каракуль опустил голову, дабы скрыть улыбку, этот Артем, недоносок, не понимает, с кем имеет дело. О Хачике мало что известно, его прошлое, о котором тот не распространялся, покрыто мраком. Кто говорил, что он не однажды сживал за решеткой, кто уверял в обратном. Вот Алекс точно не был в тюрьме. Но команды обоих состояли сплошь и рядом из людей, которые так или иначе сталкивались с законом, пострадали от него и не любили легавых, сильно-сильно не любили. Да если бы Хачик захотел, ни один легавый сюда носа не сунул бы.

– Для меня всё ви малчики, – не обиделся Хачатур Каренович, – всё, кто юн. Ти, Артем, ищи негодяя, который вистрелил в Алекса, его надо найти. Ми со своей сторона окажем любая поддержка. Найдешь – отблагодарю лично.

Следователь распрощался и ушел неудовлетворенный. Хачатур нахмурился, выпятил вперед губы, постукивая пальцами по столу, и ноль внимания на Каракуля. Пауза действовала

на нервы. Каракуль завибрировал: как-никак, а виноват. Хачик, все так же не глядя на телохранителя, спросил тихо, мягко, в то же время грозно:

– Как же так случилось?

– Да вы же знаете, Хачатур Каренович, он не разрешал нам идти с ним на кладбище. Всегда так поступал, а мы его ждали...

– Цыц! – стукнул ладонью по столу Хачатур. – Ми, он... не понимаю! Ви должны били лисой стат! Следом прятаться! Пасти его днем и ночью! Да что теперь... нивирятно! Стреляют уже днем! Слушай, что за народ пошел?!

– Как Алекс? – виновато спросил Каракуль.

– Никак, – буркнул Хачатур, помолчал, снова постукивая пальцами по столу. – Врачи делают что могут... Да что они могут здесь?..

Артем задержался на крыльце, прикуривая и обводя исподлобья глазами двор больницы. Глубоко затянувшись несколько раз, отбросил сигарету, поднял воротник куртки и энергично зашагал сквозь «кордоны караула» к машине, где его ждали двое. Захлопнув дверцу, сидел в молчании.

– Ну? Как там? – спросил молодой симпатичный оперативник Сева с удивительно синими глазами, балагур и весельчак.

– Чего-то недоговаривает этот Хачатур, – ответил задумчиво Артем. – Но требует найти убийцу, вознаграждение обещал...

– Ну! – засмеялся Сева. – Он за убийцу «зелени» отвалит куса три...

– Вознаграждение, говоришь? – сказал Руслан, сидевший за рулем. Он тоже оперативник, но старше Севы лет на десять, слегка располневший, серьезный и спокойный. – Алекс, по моим сведениям, мозг, придумывал способы обогащения и прятал концы в воду. Что говорить – бухгалтер! А у Хачика связи и в криминальных кругах, и во властных структурах. Так что один другого дополнял. И все-таки почему-то выбили первым Алекса, хотя в данной паре он второй.

– Значит, у кого-то они стали на дороге, – глядел в окно Артем.

– У нас в городе четыре основные группировки, – принялся объяснять Руслан. – Мелюзга всякая все равно под одной из групп находится. Так что выбор небольшой. Осталось выяснить, кто последнее время конфликтовал с Алексом и Хачиком...

– ...и забыть об этом на веки вечные, если перевести мысль Руслана с русского на русский, – подхватил весело Сева.

– Слушайте, – неожиданно оживился Артем, – я два месяца здесь и все никак не могу въехать: я в другом государстве очутился?

– Ты о чем? – не понял Руслан.

– Да вон о них, – кивнул головой в сторону боевиков Артем. – У вас так запросто ходят с оружием? И милиция не чешется? Окружили больницу, посетителей к больным не пропускают, ведут себя нагло, как хозяева!

– Так и есть. – Руслан размеренно поглаживал руль, а говорил о боевиках словно об одуванчиках на поле. – Ты человек новый, не пори горячку. Понимаешь, Хачик, Алекс, еще лидеры трех группировок как раз и есть властелины города. Милицию купили, начальство городское под себя подмяли. Да мы по сравнению с ними бедные родственники. У них деньги! А бабки здесь крутятся... офигенные. Знаешь, сколько у них получает рядовой охранник? Слышал треп: до двух косых «зелени» в месяц! А у нас – от двух косых, только рубликов. Поэтому у нас нехватка людей, переманили. Кому охота вкалывать за гроши да головой рисковать? У них техника, какой мы в глаза не видели. Посмотри, пришвартованы одни иномарки, у всех переговорные устройства, мобильники, автоматы – явно «узи»...

– «Калашников» надежней, – вставил Сева.

– А «узи» короче, – возразил Руслан, с неприязнью глядя на боевиков. – Не, ребята, они сила. Честно скажу, я бы постоял в сторонке, пока эти скорпионы не пережалят друг друга. Все, с Алекса началась война групп за сферы влияния.

– Мы у них только под ногами будем путаться и раздражать, – сказал Сева.

– Не понимаю, а милиция и прокуратура тогда зачем в городе? – В голосе Артема слышалось не только недоумение, но и справедливое возмущение.

– Как тебе сказать... – усмехнулся Руслан. – Нам отвели роли мировых судей: скандалы в семьях, бытовые разборки, мелкое воровство и так далее. Мы – мусор, этим сказано все. И мусором занимаемся. Началось это еще в советское время, люди привыкли, приспособились. А лидеров группировок уважают, обращаются к ним за помощью, и, знаешь, они помогают. Скажем, вынес суд несправедливое решение, обиженный жалуется одному из авторитетов. А друг перед дружкой эта шушера уголовная любит повыпендриваться: мол, я такой справедливый – аж плачу от умиления, глядя в свое отражение в зеркале. Авторитет по своим каналам узнает суть и выносит приговор, который тут же исполняют. Если же жалобщик обманул, наказывают его. Слышал такое слово «мафия»? У нас их четыре. Нам не дадут провести дело, вот посмотришь. Начнем одних трясти, другие не потерпят. Чтобы мусор дела их разгребал – да ни в жисть! Станут на наше начальство давить, и начальство тебя завалит. И бесполезно жаловаться выше, башку отрежут. Расправа у них жестокая, наше законодательство по сравнению с их кодексом – это правила внутреннего распорядка в детском саду.

– Черт знает что! – проворчал Артем. – Ладно, поехали к морю, посидим спокойно.

– Пузырь берем? – потер руки Руслан. – У меня знакомая три перегонки делает. Водка – песня, ни одна заводская конкуренции не выдержит. Так берем?

– Тогда два пузыря... – обреченно махнул рукой Артем.

– Заметано, – воодушевился Руслан, заводя мотор.

Дудин долго готовился к операции. Ему запретили доверяться кому бы то ни было из врачей, но снабдили необходимым. На столе лежали бинты, медикаменты, шприцы. Дудин прокипятил иглу и ножницы, надел латексные перчатки. Сначала сделал несколько уколов в ногу, как учили, – обезболит. Вдев кетгут в иглу, принялся зашивать. Неумелая рука часто соскальзывала, не протыкая человеческую ткань по краям ран на ноге. Потревоженные раны кровоточили, заполняя глубокие борозды от клыков, кровь стекала по ноге на клеенку под Самвелом. Дудин то и дело промокал ее стерильными тампонами, затем бросал их в эмалированный таз. И все же приноровился, уверенней втыкал иглу, протягивал нить. Самвел лежал на животе, вряд ли чувствовал боль, но изредка вздрагивал и стонал.

– Терпи, дорогой, терпи, – отозвался на очередной стон Дудин, сосредоточенно протыкая человеческое мясо, даже не морщась. – Зашью тебя лучше портнихи. Не думал, что собачьи клыки такие острые. Располосовал, как бритвой.

– Я этого пса... пристрелю, собаку!

– Многовато ты крови потерял. Но ничего, ничего, поправишься. Знаешь, какими нитками тебя лагаю? Швы снимать не надо, все рассосется. Чудеса науки, мать твою.

Ногу залатал грубо, но все же сшил. А вот спина не поддавалась. Кусок мяса, размером примерно десять на десять сантиметров, легко отходил с трех сторон. Сначала Дудин подумывал отрезать его совсем, да не рискнул. Приложил оторванный кусок и скреплял нитками кое-как. Упругие мышцы и натянутая кожа на спине создали дополнительные трудности. Все же отдельные ошметки, которые никак не присоединялись, пришлось отрезать. Для этого Дудин протер водкой кухонный нож и «подровнял» вырванный клыками кусок. С мелкими ранами управился быстро. Наложив повязки и залепив их пластырями, Дудин выдернул клеенку из-под Самвела, снял перчатки и вымыл руки. Затем приготовил закуски, поставил бутылку водки

на табурет у кровати. Нож вымыл с мылом, протер водкой и, нарезав им колбасу, сыр и хлеб, сказал:

– Ну, теперь можно и выпить. Давай помогу повернуться.

Подложив под спину Самвела подушки, осторожно перевернул его, сам же устроился на стуле. Налил в стаканы водки до половины, один протянул напарнику и прислушался:

– Слышь, ветер бушует? Ураган обещали. Ну, давай, за упокой души Алекса. – Дудин проследил, как выпил Самвел, дал ему кусок колбасы с хлебом, только потом выпил сам, закусил соленым огурцом. – Да, забыл сказать. Алекс жив. Но положение его швах.

– Деньги когда отдадут? – спросил Самвел, медленно пережевывая. – Или и меня прикончат, чтобы не платить?

– Что ты несешь? Сейчас нужны такие, как мы. Времена настали крутые, нам работенка будет. А деньги получим, когда Алекс упокоится. Ну, давай еще по соточке?

Когда Самвел уснул, Дудин запер флигель и вошел в дом. Он жил в одной из четырех комнат, и только в ней стояла мебель, да и то лишь необходимая. В двух комнатах вообще пусто, но туда никто и не входил. Включив свет, постоял, раздумывая, и взял ключ из вазы на окне. Долго смотрел на ключ, потом прошел к дальней, четвертой, комнате, отпер дверь и заглянул внутрь. Там стояли диван, на котором спала пожилая женщина, стул, тумбочка, а на ней горевшая лампа под абажуром.

– Мама... – позвал Дудин, ласково улыбаясь.

Женщина моментально открыла глаза, испуганно и беспокойно водила ими, наконец заметила Дудина, замычала. Он приблизился к ней:

– Ну что, мама, ты еще не подохла? Живучая же ты.

Лицо женщины исказила мука, а из глаз потекли слезы, прячась в морщинах.

– Ну-ну, успокойся, твой сын не зверь, он значительно хуже.

Женщина трясла головой, вздрагивала, что-то силилась сказать. Дудин переменил памперсы, брезгливо морщась, тщательно укрыл ее одеялом:

– Видишь, какой у тебя хороший сын? До свидания, мама...

Только потом с наслаждением развалился на диване, чувствуя приятную усталость.

Хачатур Каренович внимательно, без эмоций выслушивал врача:

– Ранение очень тяжелое. Организм мощный, но ничего не могу обещать.

– Ви сделайте его живим хоть на два дня, – скорее приказал, чем попросил Хачатур Каренович. – Я отправлю его вертолетом в Краснодар, а оттуда – самолетом в Швейцарию. Я уже договорился, но не можем вылететь из-за ветра. Пилот сказал, что вертолет не выдержит. Делайте что хотите, но чтобы он бил жив.

– Надеюсь, он протянет пару дней. Сделаем все возможное и невозможное, – сказал без уверенности врач. – Но вы должны понимать: это всего лишь надежда. Кстати, уберите ваших... охрану. Людей распугали, у нас же больница.

– Извини, дорогой, но охрана будет здесь до отправки Алекса.

Хачатур покинул кабинет, по-хозяйски шествуя по коридорам за охранником, открывавшим ему двери. За ними шел Каракуль, а немного отставая, еще два телохранителя.

– Я полечу с Алексом? – спросил Каракуль.

– С ним полечу я и мои люди, – бросил через плечо Хачатур Каренович. – Ты здесь останешься. Проследи, чтобы этот... Артем, да? Пусть ищет стрелка. Найдет – мы сами разберемся с ним. Твое дело его взят и держат до моего приезда. Мда, плохие времена настали... Два раза питалис Алекса убит, даже не ранили. На третий не повезло ему. Всех подлюк, кто в сговоре, на ремни порежу. Всех порежу!

– Почему вы не сказали о покушениях на Алекса следователю?

– Почему, почему! – устало проворчал Хачатур. – И так узнает. Я хочу улететь с Алексом без задержки, а не бесполезный показания дават.

Шел первый час ночи. Каракуль распределил дежурство между своими людьми и вернулся в особняк. Свет горел в окнах Лии и на первом этаже. Вроде все спокойно. Поставив машину в гараж, нашел Кизила все на том же месте, дремавшим у телика.

– Как там? – спросил Кизил, очнувшись от дремы.

Каракуль махнул рукой, что означало – дело дрянь, и устало поплелся на кухню, ибо желудок пищал, требуя жратвы. Открыв один из двух холодильников, изучал содержимое, прикидывая, с чего начать трапезу. Вдруг услышал за спиной голос Лии:

– Я подам тебе поесть.

Каракуль отошел от холодильника, уступая место девушке, сел на стул и наблюдал, как она двигалась у плиты. Кормить людей в доме, всех без исключения, входило в ее обязанности, поэтому не удивила, предложив свои услуги. Лия разогрела индейку под соусом, нарезала хлеб, сыр, копченый окорок, все поставила перед ним. Каракуль набросился на еду. Она, стоя у стола, спросила:

– Почему ты не говоришь, что с Александром Юрьевичем?

– В Швейцарию его повезут. Дай водки, – сказал он, не поднимая глаз от тарелки. Лия выполнила просьбу и хотела уйти, но Каракуль схватил ее за руку. – Посиди.

– Мое дело подать, – проговорила она, вырывая руку.

– И прибраться, – усадил ее Каракуль на стул рядом.

Он ел, она сидела. И оба ни слова. Когда Каракуль отодвинул тарелки, Лия встала:

– Теперь я могу идти?

– Пойдем ко мне в комнату? – и взглянул на нее из-под насупленных бровей.

Лия молча отнесла тарелки в раковину, ушла. Каракуль с минуту сидел неподвижно, потом запустил хрустальным стаканом в стену.

4

Радж проснулся в семь утра, потянулся. Боль мгновенно дала о себе знать. Пес заскулил, таращась на повязку, – широкие бинты, опутывающие бедро, спину и живот. Разозлился. Принялся рвать бинты и не успокоился, пока не освободился. Рана стала кровоточить. Радж лизнул ее несколько раз и заковылял к кровати Алекса, чтобы разбудить, как делал каждое утро, а потом идти с ним на прогулку. Кровать была пуста. Радж залаял, заметался из угла в угол. На зов примчался Кизил.

– Наш Радж проснулся. Молодец. Ты зачем повязки снял? Ну, пойдем, пойдем, тебе пора сделать свои делишки.

Пес выскочил из спальни, едва не свалив Кизила, не успевшего схватить дога за ошейник. На площадке Радж осмотрелся, скачками сбежал по лестнице вниз, обследовал комнаты, но Алекса не нашел. За ним носился Кизил, выговаривая:

– Ты почему не слушаешься? Ко мне! Радж! Тьфу ты, вредный гад!

– Радж, ко мне! – появилась Лия.

Пес подбежал к ней, жалобно заскулил. Лия взяла его за ошейник, погладила:

– Бедный Радж, он искал хозяина. А Кизил раскричался на несчастного Раджа, а у нашего песика ножка болит. Кизил плохой, правда, Радж?

– Скажите, какие! – фыркнул Кизил. – Это не человек, а собака. Он тебя не понимает.

– Эта собака лучше многих людей, – продолжала гладить пса Лия и говорить исключительно Раджу. – Эта собака все-все понимает...

– Что за шум, а драки нет? – вошел в гостиную заспанный Каракуль.

– Да я хотел вывести псину, – оправдался Кизил, – не дается, гад.

– Ты осторожней выражайся, он понимает если не слова, то интонацию, понял? – предупредил Каракуль. – Пускай Лия выведет его.

– А завтрак кто готовить будет? – взбунтовался Кизил.

– Найдешь что пожрать! – рявкнул начальник и повернулся к Лии: – Иди.

Ветер немного поутих. Радж, не теряя времени даром, потрусил к чугунной ограде, задрал раненую ногу и с наслаждением замер. Кутаясь в вязаную шаль, Лия неспешно шла по аллее, всматриваясь в хмурое небо и вдыхая влажный, насыщенный морскими запахами воздух. Дом Алекса разместился посреди поля площадью сорок соток. Деревьев мало, в основном пространство ровное и пустое, летом здесь растет густая зеленая трава и по краям дорожек цветы. От фасада с главным входом до ворот ведет прямая широкая аллея, вымощенная камнем, по ней и шла Лия. Антошка с ранцем за плечами вылетел из дома.

– Радж! Радж! – закричал весело и помчался навстречу догу.

На трех ногах пес допрыгал до мальчика, который обнял его за шею, гладил и заливисто смеялся, когда язык Раджа лизал лицо. Антошкина голова доставала лишь до пасти дога, мальчик был похож на карлика в сравнении с огромной собакой. За ними из окна следил Каракуль, но вот он вытянул шею, прищурился. К воротам подъехал автомобиль. Сначала Каракуль не узнал в водителе человека Хачатура, потому рванул к выходу, на ходу надевая куртку и нащупывая пистолет.

– Алекс пришел в себя, – сказал человек Хачика, – требует Лию и Раджа.

– Но... мне сына в школу вести, – пробормотала в замешательстве Лия.

– Антона отведет Кизил, а Лию и Раджа привезу я, – сказал Каракуль. – Езжай, скажи, что сейчас будем. Лия, тебе надо переодеться? У тебя пять минут. Антон, за мной!

Вскоре Кизил и Антошка махали вслед Каракулю и Лии.

Когда она пересекала больничный двор, то непроизвольно поежилась под обстрелом любопытных глаз охранников. Лия, как и они, не понимала, что за блажь пришла в голову

Алекса повидаться с ней. Алекс, не терпящий женщин, живший всегда скрытно, сторонясь не то что врагов, но и друзей, грубый и самонадеянный, никого не любивший, кроме своего пса, Алекс, практически на грани жизни и смерти, когда его уже ждал вертолет, потребовал Лию. И в глазах охраны читались вопросы: она его любовница или тайная дочь? Что он хочет доверить ей перед концом? А какая еще может быть связь между молоденькой прислугой и ним? Внутри Лии что-то съежилось в неясном предчувствии, она замедлила шаг, словно ноги отказывались нести ее в палату, и только крепче сжала поводок Раджа.

– Идем, идем, – ободряюще сказал Каракуль, взяв ее за плечи и оглядывая волчьим глазом боевиков. Вероятно, и его одолели нехорошие предчувствия.

Помимо Алекса, в палате находились медсестра, два врача, один из которых должен был сопровождать раненого в Швейцарию. Причем в Краснодаре в самолет сядут еще медики с аппаратурой жизнеобеспечения. В палате был и Хачатур Каренович. Он первый увидел Лию, как будто только и ждал ее. Не сводя цепких глаз с девушки, наклонился к изголовью лежащего компаньона:

– Алекс, Лия здесь. И Радж пиришел. Взгляни, дорогой.

Пес сразу узнал в бледном человеке на кровати хозяина, и никакие силы не могли удержать его на месте. Он подтащил к койке Лию, сдерживающую его, затем гавкнул. Голос любимца услышал Алекс, медленно открыл глаза. Радж в упоении размахивал хвостом, но не посмел по привычке стащить с хозяина одеяло, потому что сама атмосфера палаты являлась необычной, тревожной, она-то и не позволяла проявить радость бурно. Радж лишь осторожно положил на край постели морду, не спуская преданных глаз с хозяина. Алекс попросил тихо:

– Оставьте нас.

– Только недолго, – предупредил Хачатур Каренович, нехотя выпрямляясь и пристально глядя на Лию. – Не трать, дорогой, сила, она тебе понадобится.

Лия, Алекс и Радж остались одни.

– Закрой дверь, – слабо приказал он.

Дверь была закрыта плотно, Лия мяла в нерешительности шаль.

– Подойди ко мне, – сказал Алекс. Она послушно приблизилась. – Лия... я помог тебе, когда некуда было тебе идти. Я защищал тебя, ты ни в чем не нуждалась, помнишь это?

– Да, помню.

– Я обижал тебя?

– Нет, что вы. Никогда.

– Значит, у тебя нет причин относиться ко мне плохо?

– Конечно, нет.

– Это хорошо. Лия... я подыхаю...

– Не говорите так. Вас вылечат, отвезут в Швейцарию...

– Замолчи, – выдавил Алекс и устало прикрыл веки. – Мало времени. У меня к тебе есть просьба... Обещай, что... выполнишь ее... Нет, поклянись...

– Я обещаю. Клянусь, я все сделаю для вас.

– Первое – Радж. Не бросай его. Никогда не бросай. Возьми мою руку.

Лия осторожно взяла за пальцы Алекса, тот с невероятным усилием приподнял руку и положил на голову дога:

– Радж, Лия хозяин, – сказал внушительно и высвободил свою руку, она безвольно упала на постель. Кисть Лии осталась на голове Раджа, который всем своим видом говорил: я твой, только твой. – Теперь он будет тебя слушаться. Нагнись ко мне, Лия. Ближе. Мне надо сказать очень важное... никто не должен знать...

Она села на край кровати, наклонилась, подставив ухо к губам Алекса. Он заговорил шепотом, с трудом подбирая слова, а когда закончил, попросил:

– Повтори.

Лия приблизила губы к уху Алекса и прошептала несколько слов. Одними глазами он дал понять, что доволен. В этот момент вошли Хачатур, врачи и Каракуль.

– Извини, Алекс, – сказал Хачатур, поедая глазами Лию, которая поспешно поднялась на ноги, – но опять обещают шквальный ветер. Нам пора.

Когда выкатывали каталку из палаты, Алекс задержал, насколько это было возможно, последний взгляд на Лии, приказывающий и просящий одновременно. Она чуть заметно кивнула, мол, все сделаю, и последовала за ним, держа пса за ошейник.

Вертолет посадили на площадке перед больницей, ради этого спилили несколько деревьев. Алекса грузили в вертолет, а за оградой больницы собралась толпа. Люди послушно ждали, когда закончится погрузка и можно будет навестить больных. Некоторые шли мимо и остановились из праздного любопытства, а кто-то специально прибежал поглазеть на невидаль – вертолет, отцов мафии, их войско. Тема робких разговоров в толпе была одна: вот, кто-то лапу сосет, а кого-то самолетами в больницы возят, как на такси, и откуда, спрашивается, деньги берут на капризы?

А пилот убеждал Хачатура Кареновича отменить рейс, потому что лететь опасно, есть возможность попасть в ураган. Тот упрямо заявил:

– А ти облети ураган – и будет хорошо.

Пилот в сердцах махнул рукой, полез в кабину, беззвучно шевеля губами, видимо, ругался. Погрузив Алекса, трое человек сели в вертолет, включая Хачатура Кареновича. Перед самой посадкой он оглянулся. Лия нервно поправила шаль, потупилась, не в силах выносить сверлившие ее глаза. Наконец дверь вертолета закрылась. Лопасты завертелись, поднимая страшный ветер и чуть не сбивая с ног тех, кто присутствовал при взлете. Но вот вертолет оторвался от земли и помчался не на север, а на юго-восток. Очевидно, пилот решил убежать от урагана по совету Хачатура.

За погрузкой раненого наблюдали Артем, Сева и Руслан. Артему не дали поговорить с потерпевшим, сославшись на его слабость. Изучая из окна автомобиля двор больницы, мимо внимания Артема не ускользнул выразительный взгляд Хачатура, устремленный на Лию перед посадкой в вертолет.

– Она что-то знает, – сделал он вывод.

– Домработница? – усомнился Руслан.

– Именно, – ответил Артем. – Она знает то, чего не знает Хачик. Я это понял по нему, чуть не испепелил ее глазами.

– Хачик из нее выгащит, – без сомнения заявил Сева. – А вот нам она ничего не скажет даже под страхом смерти.

– Лия... очень интересно... – пробормотал Артем. – Красивая девушка. А жена Алекса красивая?

– На любителя, – неопределенно ответил Руслан. – Броская женщина, крупная, да у нас на юге любят женщин в теле. К тому же она блондинка, такие у нас пользуются повышенным вниманием. Алекс ревновал ее к дверной ручке, любил, видимо... Она бросила его чуть больше двух лет назад. Он, говорят, пережить не мог предательства.

– Так они развелись? – разочарованно протянул Артем.

– Бракоразводного процесса не было, – ответил Руслан. – Не знаю, может, она подавала на развод, только у нас ничего об этом не известно.

– Дети есть?

– Не зачали.

– Эх, и что я не сын Алекса! – пошутил Сева.

– Ты хочешь и ее раскрутить? – догадался Руслан. – Никто не знает, куда она смылась.

– На то мы и органы, чтобы все знать, – усмехнулся Артем. – Ну, все, ребята, наш Алекс улетел добывать жизнь. Поехали.

– Что он тебе сказал? – любопытствовал Каракуль, когда он, Лия и Радж очутились в машине.

– Просил не бросать Раджа в случае его смерти, – выпалила Лия и отвернулась к окну.

– И все? – поразился Каракуль. – А че приказал нам уйти? И так долго просил?

– Да, – коротко ответила она, кутаясь в шаль.

Каракуль больше не задавал вопросов. Лия решила, что он поверил ей. Впрочем, Каракуль – человек небогатого ума, – так все говорят, а вот поверит ли Хачик? «Надо что-то придумать, а что?» – размышляла Лия, глубоко вздыхая. Заметив, что на нее косится Каракуль, и, как всегда, его мысли выдает плотоядный взгляд, сказала:

– За дорогой следи, а то в аварию попадем.

Радж был присмиривший, грустный. От еды отказался и побрел в спальню Алекса, улегся на ковре и опустил морду между лапами. Вдруг напрягся, наострил уши. Запах, его беспокоил запах. Радж тыкал носом в ковер, шумно втягивая носом воздух. Потом заметался по всем углам, вернулся и снова изучал носом ковер. Последующие действия дога озадачили всех: он носился, прихрамывая, по дому и явно что-то искал. Не находя, злобно рычал, бежал в следующую комнату. Каракуль позвал Лию:

– Чего он мечется?

– Алекса ищет, – ответила та, подозвала Раджа и взяла за ошейник: – Идем со мной, Радж, может, все же поешь?

Пес сначала послушно поковылял с ней, но на кухне словно взбесился. Он вырвался, чуть не свалив Лию, обежал кухню с рыком. Остановившись у шкафа, где стояло мусорное ведро, стал царапать когтями дверцу.

– Там ведро, Радж, – сказала Лия. – Мы с тобой сейчас вынесем мусор, хорошо?

Едва Лия достала ведро, как пес уцепился зубами за край, вырвал, с яростью бросил на пол, отчего Лия испуганно попятилась. Разворошив мусор, нашел грязный лоскут и, успокоенный, допрыгал до двери, жалобно заскулил, поглядывая на Лию. Обычно он сам открывает двери лапой, но в этот раз не смог опереться на большую заднюю ногу. Когда Лия открыла, пес проскользнул в щель и заковылял в спальню Алекса. Встретив в гостиной Каракуля, Лия рассказала с недоумением:

– Он тряпку искал. Откуда она? Весь мусор разворошил.

– А... – вспомнил тот. – Понял. Радж ее с кладбища припер. Наверное, пахнет сукой, у которой течка. Наш Радж обожает это дело, как и я.

И улыбнулся девушке, да так, что она вспыхнула:

– Дурак, – и ушла.

5

Радж, поскуливая, свалился в углу спальни, прижал лапами лоскут и положил морду на них. Обведя глазами спальню, вздохнул тяжело, по-человечьи вздохнул и прикрыл веки...

Одна пышнотелая бабенка прозвала Алекса бурбоном за грубость и властность. Так и не окрутив его, принялась обрабатывать следующего кандидата в мужья, имеющего подходящий дом. Собственно, состоятельных людей на юге много. Если проехать по городам Черноморского побережья, в глаза бросаются именно особняки, которые здесь не редкость, ибо каждый мало-мальски обеспеченный человек своим долгом считает выстроить большой дом. Достаток должен бросаться в глаза – убеждение многих. Люди, живущие здесь, умеют зарабатывать деньги, но не об этом речь.

Алекс действительно был бурбоном, жил одиноко, детей не имел. У него была жена, которая сбежала с учителем физики еще при жизни его матери, чем оскорбила и унизила. Нет, вдуматься: сбежала с УЧИТЕЛЕМ ФИЗИКИ! Это не укладывалось в голове Алекса, который с тех пор возненавидел баб, называя по пьяни всех женщин суками. Причем слово произносил смачно, утраивая букву «с»: ссуки. Но человеческая природа нуждается в тепле, живом участии, общении. Все это Алекс получил от Раджа, которого Хачатур Каренович преподнес ему в день рождения три года назад. Трехмесячного щенка привезли из Риги, и стоил он баснословные деньги, но Хачатур не поспешил. Отдавая щенка, сказал:

– Ты мало кому доверяешь, Алекс, это плохо. Вот тебе друг, преданней которого не найти. Надэюс, он сделает тебя мягче.

Беспомощный, на тонких ногах, черный как смоль щенок стал полноправным членом семьи Алекса. Он неотлучно сопровождал хозяина повсюду, ел с ним, для чего Алекс заказал специальную подставку, чтобы миска Раджа стояла на уровне стола. Спал дог в спальне, облюбовав угол. Выгуливал его только Алекс, иногда Лия. Дрессировал лично с помощью двух кинологов, которые приходили для этой цели на дом. Съедал пес по килограмму говядины и требухи в день, но не чурался стащить у Лии целиком торт или батон колбасы. Алекс его не наказывал, а смеялся, поражаясь уму питомца, – Радж придумывал невероятные ухищрения, чтобы обмануть бдительность Лии и завладеть деликатесом.

Когда щенку выбирали имя, Алекс руководствовался поговоркой: «Как вы яхту назовете, так она и поплывет». Даже маленький, с трудом передвигающийся на ножках, щенок выглядел царственно. Всякие там клички Лорд, Цезарь, Принц не пришлись по душе Алексу. Хотелось чего-то необычного, но непременно звучного, а на ум ничего не приходило. Однажды смотрел английский фильм о приключениях в Индии, где одного из героев звали Раджем. Так родилась кличка Радж, на которую пес сразу откликнулся. Ухоженный и откормленный, Радж вырос в мощного пса, внушающего ужас даже малочисленным приятелям Алекса.

– Слушай, – шутили они, – зачем тебе автомобили? Садись на Раджа, он домчит тебя в любую точку планеты, даже океан переплывет. Нет, правда, это же собака Баскервилей! Ох и страшен, черт! Да его в цирке за деньги показывать надо. Представляешь, открываешь ему пасть и кладешь туда голову, народ в умате будет.

– Да посмотрите на него, – умилялся Алекс, – он похож на мышонка.

Смех смехом, а добрее Раджа трудно было сыскать собаку. Во всяком случае, так казалось Алексу. Он любил пса, как не любил никого из человеческой породы, кроме мамы. Она жила с Алексом, занималась хозяйством, не доверяя уход за сыном прислуге. Умерла, когда Раджу исполнился год. После ее смерти Алекс долго подыскивал домработницу. По объявлению приходили женщины, старушенций выпроваживал, какой от них толк? А молодым женщинам обещал сказать о своем решении попозже, дабы не пороть горячку, ведь в его доме не всякая

могла находиться. Пришла и Лия. Она заметно волновалась, это навело на мысль, что работа ей нужна как воздух. К тому же обрадовалась, что здесь предоставляется жилье. Остальные соглашались приходить только в определенные часы, а он нуждался в постоянной домработнице. Когда Алекс склонился в ее сторону, она вдруг замялась, потом робко спросила:

– Можно мне жить у вас с сыном?

– У тебя есть ребенок? – огорчился Алекс, ибо терпеть не мог шум, а дети на такие вещи мастера.

– Да, – ответила она, – ему пять лет.

– А тебе-то сколько?

– Двадцать три.

– И мужа нет, – почему-то решил Алекс.

– Я ушла от него.

Он некоторое время раздумывал, но в черных глазах Лии было столько мольбы, что Алекс вдруг ехидно сощурился:

– Значит, так. Кроме основных обязанностей, ты будешь со мной спать. Иногда. Скажем, два раза в неделю. Согласна?

– Нет, – вспыхнула Лия. – Извините за беспокойство.

Она успела дойти до двери, Алекс ее остановил:

– Я пошутил. Оставайся, только чтобы ребенок не шумел.

Он любил подобные приколы. То ли проверял людей, то ли издевался – неизвестно, Алекс никому ничего не объяснял. Лия с Антоном поселились в дальней комнате, потом он пристроил им еще и ванную с туалетом. Иногда на него накатывала щедрость. Заметив, что она пришла с одной сумкой, где были в основном детские вещи, пригласил швею, и та сшила ей сменную униформу. Лия оказалась исполнительницей и аккуратной, что и требовалось, только никогда не улыбалась, никогда. Мало того, в выходной не отлучалась, продолжая работу. Когда Алекс спросил, почему она не воспользуется законным правом, Лия ответила, что ходить ей не к кому и незачем. Он не удивился, ибо сам славился чудачествами. Вообще, он покровительствовал ей. В доме полно мужиков, а она их не подпускала к себе, значит, не потаскушка, скромная. Он разрешал ей пользоваться библиотекой, давал охрану, когда она отправлялась за покупками, и не приставал, предпочитая женщин в теле, которых после утех выставлял вон. А ежели дама не угодила, выгонял среди ночи.

Однажды у ворот появился незнакомец, охранник спросил, что ему нужно.

– Я пришел за женой и сыном, – ответил незнакомец.

Охранник доложил Алексу, тот призвал Лию:

– У ворот ждет твой муж, он хочет забрать тебя. (Она закрыла лицо руками, расплакалась, отрицательно качая головой.) Ты боишься его? (Она утвердительно кивнула.) Не бойся, уйдешь тогда, когда сама захочешь. Здесь тебя никто не посмеет тронуть.

Алекс соизволил выйти лично, любопытно было взглянуть на мужа Лии, но дальше порога не двинулся. Охранники пропустили крепкого на вид человека старше Лии лет на десять, который без боязни приблизился и в упор вылупил на Алекса колючими глазами.

– Она не хочет, – коротко сказал Алекс и повернулся спиной. – Больше не приходи.

– Передай ей, – жестко бросил в спину муж, – она может очень пожалеть, очень.

– Передам, – пожал плечами Алекс и, не оборачиваясь, прибавил: – А ты пошел вон со своими угрозами, – и скрылся в доме.

Муж злобно смотрел вслед. Каракуль, тогда едва приступивший к обязанностям начальника охраны, встал перед незнакомцем:

– Ты че, мужик, оглох? Не отдадим ее! Гуляй отсюда.

Муж вышел за ворота, оглянулся и с чувством плюнул в сторону дома. Больше не появлялся. Алекс же пригласил Лию в библиотеку и долго о чем-то говорил с ней, что действовало

на нервы Каракулю. О чем они говорили, никто так и не узнал, но после их беседы ни Антошка, ни Лия не выходили за ворота особняка без охраны.

Лию и Антошку Радж принял в свою стаю, а стая состояла из немногих. На первом месте, конечно, был Алекс, которому Радж позволял думать, что он вожак. Ведь приятно ощущать себя покровителем слабого, а у Алекса ни клыков, ни мощных лап, ни силы не было. Иногда Радж показывал, кто тут хозяин, но Алекс почему-то не понимал, сердился, пес уступал. На втором месте оказался Антошка, этому разрешал играть с собой, да кто же не любит щенков? К Лии относился как к женщине – нежно, а стряпню ее просто обожал. Например, котлеты. Радж замирал на кухне, когда Лия готовила, следил за каждым ее движением. Стоило ей зазеваться – котлеты в желудке, даже горячие. Зато Кизил, Каракуль и Сашко являлись рядовыми членами стаи, этим поблажек не делал. А приходящих телохранителей вообще ни в грош не ставил, их Радж терпел постольку поскольку.

Кизил – местный, живет в доме давно, а Каракуль – менее двух лет. В Алекса стреляли, убили телохранителя, закрывшего шефа телом. На его место прибыл Каракуль. Он служил в десантных войсках, воевал по контракту. Вернувшись домой, не мог найти дела по душе, приехал к приятелю поплавать в Черном море, приятель и порекомендовал парня Алексу, сам же вскоре уехал на постоянное место жительства в Германию. Кизил вначале обиделся на Алекса, отдавшего престижную должность чужаку, но позже смирился. Три телохранителя несли службу, денно и нощно находясь в доме. Впрочем, они не мешали Раджу, не лезли с ласками, как некоторые дуры, которых привозил хозяин на ночь.

– Он чудо! – елейно говорили дуры, сами же от страха дрожали. – Погладить можно?

Пес нехотя, по приказу Алекса, позволял мерзко пахнущим духами ладоням гладить себя по спине, а так хотелось откусить вонючие руки! Зато потом Радж мстил. Алекс и его ночная гостя отправлялись в спальню. Пес выжидал некоторое время, затем шел к спальне, открывал лапой дверь. Он здорово научился это делать при помощи Кизила, занимавшегося от скуки дрессурой. Затем Радж тихонько пробирался внутрь на пузе, то есть ползком. А на кровати творилось несусветное: то хозяин прыгал на госте, то она на нем. Радж взбирался на кровать и начинал громко лаять или стаскивал одеяло. Алекс выпроваживал пса, но история повторялась. Приходилось запирается на ключ.

Второй раз попытка убить Алекса произошла около ресторана. Алекс тогда здорово набрался. А набравшись, всегда вел себя как скотина, распускал нюни, что его никто не любит, что он один на свете, только Радж у него и есть.

– Радж, – плакался, – ты меня любишь? Любишь, я знаю. Где официант?

Кизил сорвался с места и притащил за локоть женщину, испуганно хлопающую глазами. Алекс, качаясь на стуле из стороны в сторону, сказал жалобно:

– Моя собачка хочет пить. Принеси водички, а?

Она умчалась, услужливо притащила чистое ведро, наполненное водой, ведь подобной собачке только из крупногабаритной посуды следует пить. Едва поставила на пол ведро, Алекс пнул его ногой, озверело заорал:

– Ты что, ссука, принесла? Я тебя спрашиваю: что это?

– Вода, – задрожала официантка всем телом.

– Моему Раджу подавать следует в хрустальной вазе! Поняла?

Вмиг появились люди с тряпками, собрали воду в ведро, а официантка принесла собачке попить в вазе для фруктов. Радж лакал, поглядывая на хозяина: мол, я бы и из ведра попил, чего кипятиться из-за ерунды? Тем временем Алекс еле языком ворочал:

– Все бабы ссуки... и подлюки... и твари... Всех их в расход... в резервацию!

Слово «сука» имело совсем противоположное значение для Раджа. При этом заветном слове у пса под шкурой заиграли мышцы. Он прекрасно помнил, как к нему приводили сук на случку, а делалось это редко, потому запомнилось основательно.

Алекса вынесли под руки на улицу, и первым почувял опасность Радж, бежавший впереди. Пес резко остановился, напрягся, зарычал на кусты перед рестораном. Каракуль сразу обратил внимание на поведение пса и дал команду остальным:

– Назад! Быстро!

Алекса мигом подхватили и унесли в ресторан. Радж, ощерившись, лаял на кусты, откуда послышался шорох. Каракуль и Кизил, крадучись, обошли кусты, но получили привет в виде удаляющегося на бешеной скорости мотоцикла с двумя ездоками. Почему-то у всех сложилось мнение, что это были несостоявшиеся убийцы Алекса. Дома он в знак благодарности скормил Раджу шедевр кулинарии Лии – запеченную баранью ногу.

Радж не знал таких понятий, как «любовь», «ненависть», «смерть». В его понимании сложилось одно: полностью принадлежать хозяину, служить ему, быть преданным, потакать прихотям. И вдруг Алекса не стало. Возможно, Радж, лежа в углу в пустой спальне, стал постигать эти сложные три понятия, которые переплелись, внесли неразбериху... Куда пропал Алекс? Его унес железный зверь в небо. Радж рвался к зверю, поглотившему Алекса, он готов был сразиться с ним, но его крепко держал за ошейник Каракуль, вдобавок поводок обмотал вокруг ствола дерева. Радж только и мог, что встать на дыбы, забыв о раненой ноге. Теперь он остался один с тоской по хозяину, а лоскут под лапами вызывал жгучую ненависть. Он пах тем человеком, который причинил зло Алексу и Раджу, разлучил их. В куске ткани притаилась смерть, и пес стал рвать лоскут, яростно рыча. Но смерть выползла из лоскута, растворилась в спальне и находилась где-то рядом, совсем близко, поселившись в доме навсегда. Радж почувствовал, что больше не увидит хозяина. Тогда завыл. Завыл громко и протяжно, с болью и горечью. Он оплакивал Алекса. Радж выл остаток дня и всю длинную ночь.

6

Ничто не предвещало потепления, но весна взяла реванш единым махом. Температура поднялась до семнадцати градусов, на что растительность откликнулась мгновенно. Солнце слепило глаза, лопнувшие почки наполнили воздух ароматом зелени, выбрасывали листья на глазах. На юге отсутствует постепенность. Зимы здесь коварны, холод постоянно враждует с теплом, однако тепло, конечно, побеждает. В такое время тянет гулять по берегу моря, слушая прибой и размышляя о вечном. Впрочем, горячие южане, являясь частью природы, полностью соответствуют правящим здесь стихиям: часто беспокойному морю и жаркому солнцу. Потому они не склонны к философствованию, а живут вполне земными проблемами, волнующими их сию минуту.

Приблизительно такие мысли навеяла атака весны на Артема, родившегося и выросшего в умеренном климате, следовательно, человека более холодного, чем жители юга. Он ходил вокруг могилы матери Алекса, а Сева и Руслан разложили на одной из могильных плит газету, поставили на нее бутылку водки, пластиковые стаканы. Сева резал хлеб и колбасу толстыми кусками, Руслан, открыв рыбные консервы, обратил лицо к ярко-синему небу, на котором застыли ослепительной белизны облака. Прищурился одним глазом, он расплылся в улыбке:

– Хорошо! В такую погоду работать не хочется. Артем! Прощу!

– Кто понял жизнь – работу бросил, – назидательно сказал Сева, подняв нож вверх.

– Иду, иду, – отозвался Артем, переступая холмики и огибая ограды. Присев на краешек низенькой скамьи, потер руки. – Ну, вздрогнем!

Осушив по полстаканчика, дружно заработали челюстями, уплетая за обе щеки скромный обед, на что Руслан воскликнул:

– Эй! Друзья-товарищи! Не превращайте закуску в еду. Так, еще по половинке? – выпив, крикнул, чмокнул дно стакана. – Ух, хорошо пошла, подлая! Ух, люблю ее, гадину!

– Я пригласил вас, господа хорошие, – начал Артем, осторожно отправляя в рот кусочки рыбных консервов, с которых капало масло, – чтобы сообщить неприятную весть...

– Проверка едет? – предположил Руслан. – Нам бояться нечего. Начальство по морю их покачает, коньяком упоит, деликатесами закормит да еще подарки всучит.

– Да нет, хуже, – загадочно улыбнулся Артем.

– Тогда нагоняй нам обеспечен, – высказал свою версию Сева. – За что?

– Еще хуже.

– Не, ну давай раскалывайся, чего томишь? – загалдели хором Руслан и Сева.

– Я пригласил вас, – торжественно растягивал слова Артем, – облюбовать местечко, – и рукой обвел неприглядный пейзаж. – Ибо поступил звонок... Ты разливай, Руслан, разливай. Вернее, поступило два звонка. Один от неизвестного, который предупредил меня, что если я, «сучара легавый», буду совать свою «сопливую нюхалку» куда не следует, то мне и моим «легавым ищейкам» – то есть вам – гробы уже сколотили. Вот такие дела. Нам осталось выбрать, где будет приятней лежать.

– И все? – неопределенно полюбопытствовал Руслан, доставая сигареты.

– Все. А тебе мало?

– Какие у тебя дела? – Руслан прикурил, протянул пачку, угощая.

– Никаких, – закурил и Артем. – Открытое дело одно – Алекса, да и то глухое.

– Значит, не глухое, – догадался Сева. – Мы на верном пути, потому и звонили.

– В том-то и дело, пути пока нет, – сказал на выдохе Артем, готовясь выпить зелье. – Одни свидетельские показания, а в них ничего путного.

– Погоди, – не дал ему выпить Руслан, – а твой интерес к группировкам? Брал дела в архиве, касающиеся их? Изучал? Вот и получил первое «здрасьте».

– Не понял, в прокуратуре и милиции стукачи есть?

– А то! – рассмеялся Сева. – Не просто стукачи, а барабанщики.

– Второй звонок от кого? – напомнил Руслан.

– Давайте сначала выпьем, – предложил Артем. Выпили. – М-да, водка не левая. Второй был из Швейцарии! Хачик звонил.

– Ух ты! – воскликнул восторженно Сева. – Бабок не пожалел!

– Не пожалел, потому что злой был. У Алекса положение безнадежное. Хачик настоятельно требовал... слышите – требовал (!) найти стрелка. И чтобы я его передал Хачику из рук в руки живьем. А в конце ненавязчиво намекнул, что если я не смогу найти убийцу такого уважаемого человека, то какой я профессионал и чего стою? И что в противном случае мне не место в органах. И не только мне.

– Угу. Мы оказались между молотом и наковальней, – подытожил Сева.

– Точно, – подтвердил Артем. – Что будем делать?

– Сначала надо подумать, что мы можем сделать, – рассудил Руслан. – Если ты мечтаешь схватить стрелка, то это хоть и из области фантастики, но возможно. А вот если ты хочешь заказчиков выловить и отдать в руки бабушки Фемиды, то это полный бред. Тебя укокошат. Заодно и нас. Знаешь, Артем, мне что-то пожить охота.

– Да я тоже не тороплюсь сюда, – кивнул на кладбищенский простор Артем. – Я расскажу тебе одну историю, и ты поймешь... Моя мать работала в психушке врачом. Часто ей приходилось брать меня на работу – оставить не с кем было, отец же тоже работал. Со мной нянчились медсестры – замечательные женщины. А в старину их называли верно: сестры милосердия. Они действительно были милосердными. Однажды поступил срочный вызов, кроме матери, ехать некому. Так случилось, что и меня деть было некуда. Сели мы в машину и отправились на вызов. Приезжаем. А у частного дома с высоким железным забором – толпа людей, милицейская машина. Здоровенные мужики в форме стоят курят. Завидев нас, к маме подскочили и объяснили, что хозяин дома допился до белой горячки и зарубил топором жену с дочерью, но войти никому не дает. Он уже неоднократно лечился от зеленого змия, однако все впустую. Милиционеры не входили во двор, боялись. Им предстояло идти с голыми руками против топора и силы – алкаш был огромным мужиком плюс в состоянии белой горячки. Мать смело шагнула к воротам, думая, что за ней пойдут и мужчины в милицейской форме. Но мужчины в форме втолкнули ее внутрь и закрыли железные ворота. Один даже крикнул: «Ты врач, ты с ним и договаривайся...»

– Вот скоты! – сплюнул Сева.

– Она прижалась к воротам спиной, от ужаса ее словно парализовало. От дома к ней простиралась дорожка, посыпанная желтым песком, на которой четко обозначились следы крови. Крови было много. Мама проследила, куда вел след, и ее вновь окатило ужасом. Недалеко, у яблони, лежала женщина. Она, видимо, бежала к выходу, уже раненая, но ее настиг сумасшедший и добил. Голова женщины была расколота надвое, лицо изуродовано, и невозможно было определить: мать это или дочь. Мама в панике попыталась открыть ворота, но ничего не получилось. И вдруг слышит – не то стон, не то рычание. Повернулась, посмотрела на террасу. Там лежала еще одна женщина, от нее кровь стекала струями по ступенькам. И вот появился он. С глазами затравленного зверя, ощерился, как зверь, и угрожающе рычал. Он медленно шел вдоль террасы, останавливаясь за столбами, поддерживающими крышу, и выглядывая из-за них, а в руках держал окровавленный топор. Он был очень крупный, а моя мать женщина маленькая и безоружная. Что она могла противопоставить силе сумасшедшего? Только свою силу, которая внутри. Она собралась и... Нет, не кричала, а спокойно и твердо ругала его, приближаясь. Она не помнила, что конкретно говорила, но, знаете, случилось чудо. Он сначала обмяк, потом стал сжиматься в комок, будто от боли, выронил топор, отступал к стене. Когда отступать было некуда, сел на пол, закрыл голову руками и заплакал. Мама поднялась

на террасу, ногой осторожно отодвинула топор в сторону и набросила на его руки поясок от халата. Этого достаточно оказалось, чтобы он посчитал себя связанным. Черт его знает, может, на него подействовал белый халат, ведь больные уважают врачей. А может, храбрая и хрупкая женщина, или наступило мимолетное просветление, но мама его победила. Тем же тоном, не повышая голоса, она позвала людей, его связали и увели. Все это я узнал значительно позже, когда вырос, а тогда, увидев, что мою маму втолкнули к опасному убийце, слыша это от людей, я расплакался. Она вышла последней, пошатнулась, прислонилась к забору и сползла вниз, на землю. Я не к ней кинулся, обрадовавшись, что мама жива, а к ментам. Я их колотил, а они смеялись, шутили, мол, какой я славный защитник. Это я помню. Тогда, в далеком детстве, я решил обязательно надеть их форму и показать, каким должен быть милиционер. Глупо, наивно, это же было давно, но тот случай всегда вспоминаю, когда вижу рвача от ментов, когда расследую убийство, когда передо мной вор или насильник, в общем, те, кто нарушает нормы. Раз они вне нормы, то есть ненормальные, выходит, они сумасшедшие, а таким не место в обществе. Вот и получается, что я и вы лечим мир. Считаю своим долгом любыми средствами очищать от этой гнили общество, чтобы было тихо и спокойно, как на кладбище. Впрочем, отребье настолько загадило все, что и на кладбище теперь стреляют. Так быть не должно. Поэтому буду давить всех, кто пинает нормы, всех. Если не я, то кто же? Вот, пожалуй, и все, что хотел сказать.

Чирикали воробы, разбуженные теплом, солнце пригревало, лаская землю, а три человека понуро смотрели в пустые стаканы. Руслан машинально достал еще одну сигарету, шарил по карманам. Сева щелкнул зажигалкой, поднес ему и рассеянно осмотрелся:

– Моя мать кладбище называет домом родным. А здесь, говорит, на земле, мы в гостях. Раз в гостях, то и вести себя должны культурно, а не гадить. Она мудрая.

– Так что ты решил? – спросил Руслан Артема.

– Решать вам, передо мной проблема выбора не стоит, ты разве не понял? – не глядя на него, сказал тот.

– И передо мной не стоит, – заявил Сева. – Пора разбавить нашу скучную службу приключениями, а то внукам нечего будет рассказывать. «Мент» – должно звучать гордо.

– Угу, – насупился Руслан, уставившись на муравья, подбирающегося к еде на газете. – Вестерн – штука хорошая, особенно когда сидишь перед телевизором, попиваешь водочку и сытно закусываешь.

– Значит, ты пас? – сощурился Сева, углы его губ презрительно съехали вниз. Что поделать, молодость не терпит компромиссов.

– Я еще ничего не сказал, – промямлил Руслан. – Я пока думаю, на какой срок отправить жену и сына к любимой теще.

– Ты с нами?! – раздался радостный возглас Севы.

– Только не надо шенячьих восторгов, – поморщился Руслан. – И давай, Артем, договоримся. Если мы не будем корчить из себя трех мушкетеров – сами понимаете, век у нас не тот, – я согласен.

– Не понимаю, ты о чем? – спросил Артем.

– Знаешь, что такое восточная дипломатия?

– Ну и что это?

– Мой дед был дипломатом как раз в восточных странах, его расстреляли при Сталине, но не о том речь. Так вот, отец рассказывал, что дед в восточной дипломатии подметил одну существенную вещь: коварство. С тобой соглашаются, кивают, улыбаются, а делают по-своему, посылая договоры к чертям собачьим. Или того хуже. Вспомните Афган. Днем аборигены были нам братьями по крови и держали в руках мотыги, а ночью становились душманами и работали автоматами. Да что далеко ходить, в Чечне идет тот же расклад. Поскольку в нашем краю живут

тесно славяне и восточные люди, психология здесь сложилась у всех одна, и нам разумнее придерживаться восточной дипломатии. Вот так.

– Ты предлагаешь...

– Да, работать на два фронта и без шума. Попомни мое слово: будешь симулировать кипучую деятельность, начальство останется довольным, потому что местные могучие кучки не заинтересованы в раскрытии убийства. Тем временем в тайне ото всех веди нормальное расследование, в этом случае в моем лице найдешь верного помощника.

– А как мы доведем дело до суда?

– Да кто говорит о суде? – заржал Руслан. – Если мы столкнем лбами могучие кучки, и то послужим на благо так называемого отечества, а ты про суд долдонизишь. Нет, чудо возможно, не спорю. Но это произойдет лишь тогда, когда здесь начнется фейерверк. В противном случае нас троих будут отпевать на этом кладбище.

– Я согласен с Русланом, – сказал Сева и вопросительно посмотрел на Артема.

– Попробуем, – кивнул тот. – Эх, родимая, закончилась, обмыть бы договор.

– Хоп! – достал непечатую бутылку Сева. – Я ж знал, что мало будет.

– Гляди, Сева, в твоём возрасте спиваются быстро, – предупредил Руслан, разливая по стаканам. Выпили. – С чего начнем, товарищ следователь?

– Я здесь недавно, поэтому полагаюсь на вашу помощь. Архив ничего не дал, кроме того, что за дела групп срок хватали люди посторонние, видимо, по договору. Я хочу знать, кто руководит группировками, секторы влияния и численность групп. Это пока главное.

– Значит, так. – И Руслан с готовностью вытащил блокнот, достал авторучку. В дальнейшем свой рассказ иллюстрировал схемой на листе из блокнота. – У нас побережье, следовательно, место доходное. В курортное время здесь яблоку негде упасть, население увеличивается раз в пять. Потенциально каждый житель делает на отдыхающих бабки, и первое – сдают внаем жилье. Эта статья доходов контролируется Тимошенко, а проще Тимохой. Ему отстегивают буквально все, кто имеет дело с курортниками: частные лица, гостиницы, пансионаты, базы отдыха. Он может наложить вето на открытие сезона, ну там, санитарное состояние плохое, на кухне плиты не работают, вода привозная, одного матраца не хватает и тому подобное. Тут за любую мелочь можно зацепиться, тем более что на самом деле уровень обслуживания у нас не ахти какой. На их же попечении и проституция. Сам понимаешь, где живешь, там тебе и сервис. Все, кто ставит подписи перед сезоном, входят в его группу и имеют свою долю: санитарные службы, врачи, чинуши. Кстати, это самая скромная статья дохода. Далее. В обслуживании входят точки питания, и распростер над ними свое могучее крыло Шкалик, или Петя Бутылкин.

– Смешная фамилия, – прыснул Артем.

– Ты бы Шкалика видел! – сказал Сева и отвел в сторону руку. – Во! Лилипут! Его за это и прозвали Шкалик, до бутылки ростом недотягивает.

– Лилипут главарь? – недоверчиво сморщился Артем.

– Представь себе, да, – подтвердил Руслан, Артем же расхохотался. – Это не смешно. Сволочь жуткая. Злобный, морда как печеное яблоко, наглый, жадный. Да все ущербные люди дерьмо – мое глубокое мнение. Итак, в ведении Шкалика находятся товары брюха. Доход уже поприличней Тимохи. Едят-то люди три-четыре раза в день, а то и чаще. Это магазины, рестораны, бары и кафе, рынки, тетки, пекущие пирожки да продающие их на пляжах и в городе. К примеру, три рубля пирожок – рубль отдай Шкалику. Не облагаются налогом только жареные семечки. У него есть штат сборщиков дани, они же работают вышибалами. А вот далее следует крутая группировка. Это пьяный доход и наркотики. Главарь – Адам Рудольфович по прозвищу Булькатый. Уж не знаю, почему ему такую кликуху дали, но похож он на бульдога. Это маститый чувак. Все, что пьется, делается у нас в горах. Там, говорят, выстроен завод, но никто не знает, где он. Вино, водка, коньяк, виски и прочее гонится там и разливается по

бутылкам. Торгуют они и хорошим пойлом, но оно значительно дороже. Моя знакомая гонит самогон, а потом сдает туда же. И у нее проблем нет, а денежки быстро капают, как из самогонного аппарата. Значит, у них есть и частные лица, изготавливающие зеленого змия. Еще одна деталь: Булькатый не брезгует и напитками безалкогольными. Наладил выпуск минеральной воды, газированных напитков – фуфлю полное. Че там, налил воды из-под крана, загазировал, закрасил пищевыми красителями, этикетку прилепил, и нате, граждане курортники. Те в жару чего только не выпьют.

– Выходит, Хачик и Алекс торгуют оружием? – предположил Артем.

– Не угадал! – хихикнул Руслан. – Понимаешь, у нас оружие не котируется. Все, кто балуется игрушками, давно приобрели. Спросом не пользуется, потому убойного бизнеса у нас нет, так, по мелочи... Ну-ка, сам отгадай.

– Банковская деятельность? Акционерные общества? Золото... шмотки... мебель... аппаратура?.. (Руслан, улыбаясь, отрицательно качал головой.) Я пас.

– Порт! – поднял вверх палец Руслан.

– Порт? – не поверил Артем. – Да там порта того...

– Зря так говоришь, порт нормальный. В порт прибывают и государственные, и частные суда. А теперь учти, что граница проходит по морю, следовательно, это прямой выход на зарубежную контрабанду, поэтому даже паршивый причал может сослужить хорошую службу. Да, здесь раздолье для фантазии, бабки из воздуха лепить можно. Посмотри на наш порт, он расширяется. Хачик заведует портом, а Алекс – бухгалтер! Все, соображаешь, все идет через их паучьи лапы, остальные группировки в той или иной степени зависят от них. Смотри: наркота плывет, потом развозят ее по стране, всякие там химикаты-препараты, шмотье, кстати, и оружие, которое здесь транзитом появляется. А отсюда прут зерно, металл, всяческое сырье, наверняка стратегическое тоже. Черная икра! Хачик скупает ее у браконьеров на Азовском море, а на Западе она стоит тысячу баксов за килограмм. Прикинь: сотни кг на сколько тянут? Отправляет на собственных судах – значит, экономит на перевозке. Но это же только одна статья дохода. Понимаешь, через крупный порт наглые операции делать опасно. Там и таможенная служба серьезная, и охрана крупная, и контроль государством обеспечен. А здесь брод. Вот тебе и маленький порт, который Хачик мечтает сделать масштабным, заболел гигантоманией. Говорят, часть побережья скупил. Но это слухи. Слухи также и то, что они отправляют отсюда живой товар – девушек, которые даже не знают, какая им уготована участь.

– М-да, – потер подбородок Артем. – А откуда у тебя такие подробные сведения?

– Да так, я ж все-таки легавый, нос у меня расположен к поиску. Моя бы воля, всю эту свору поставил бы к стенке и самолично из пулемета – тра-та-та-та их! Наглеют. В прошлом году изнасиловали двух девчонок приезжих, до смерти затрахали. Видел бы ты... Отравлений много алкоголем, наркоту распространяют в открытую, людей мясом собак кормят, в общем, нет предела скотству.

– А сколько примерно в каждой группе человек?

– Ну, это невозможно подсчитать. Возьмем Хачика. Он тратит на свою службу приблизительно около миллиона рублей в месяц.

– Сколько, сколько? – обалдел Сева.

– Это примерно. Сюда входит охрана – чем ближе к телу, тем выше оплата. Дальше: водители, кухарки, горничные, садовник, личный доктор, стоматолог, юристы. Короче, все те, кто нужен постоянно. Ну, человек сто на него лично работают. Но у каждого из главарей вовлечены люди из города, как, например, моя знакомая самогонщица. В той или иной степени все рядовые горожане пашут на одну из групп. Кстати, у Хачика под крылом находятся промышленные товары, частный банк, ломбард.

– И какой же у него доход?

– Кто ж тебе скажет, – ухмыльнулся Руслан. – На то и доход, чтобы о нем никто не знал. По моим сведениям, одно судно приносит от десяти до двадцати – двадцати пяти тысяч долларов в месяц. Их у Хачика... точно не знаю, но десяток будет, без сомнений. Теперь умножаем – и в среднем выходит сто пятьдесят – двести штук, так? Это в месяц! Учитывая, что контрольный пакет акций у Хачика, значит, на законном основании он берет себе львиную долю. К слову сказать, никому не известно, кто держит в руках вторую половину акций. Это тайна, покрытая мраком. И я пока считал без контрабанды, то есть открытый доход. Мое убеждение, что и здесь они с Алексом показывали не все. А теперь умножьте на двенадцать месяцев. А? Как сумма? У Хачика, по моим очень скромным подсчетам, состояние оценивается всего в пару миллиардов...

– Всего?! Два миллиарда рублей всего?! – вытаращился Сева, не веря ушам.

– Запомни, Сева, – назидательно сказал Руслан, – когда мы будем говорить о Хачике, Булькатом, Тимохе и Шкаликке, слово «рубли» выкинь из лексикона.

– А странное распределение сил в городе, – задумчиво произнес Артем. – Я понял, что верхушка этой пирамиды Хачик. Значит, подбираются к нему, и первое, что сделали, – выбили мозги, прикончив Алекса. Следуя логике, можно с уверенностью сказать, что развиваться события будут вокруг него.

– Я бы не торопился с выводами, – предостерег Руслан. – Запомни: восточная дипломатия. Ты думаешь одно, на деле выходит другое. Присмотришься пока.

– У тебя своих людей нет у Хачика?

– Есть. Но не у Хачика, а у Алекса. Уж извините, имени не назову. Если там начнется возня, мы знать будем. Только что это даст? Арестуем, а их прокурор выпустит. Так уже было, меня однажды в звании понизили. Спасибо, что с работы не турнули.

– Тогда есть смысл подождать, – сказал Артем. – А ведь нас боятся, раз звонили с угрозами. Ну? Что стух, Сева? Наливай.

7

Протянул Алекс на удивление долго – месяц. В светлой палате швейцарской клиники он лежал на белоснежных простынях бледный, измученный длительной борьбой за жизнь. Он умирал. Хачатур склонился над компаньоном:

– Алекс, ты слышишь? Это я, Хачатур.

Алекс приподнял тяжелые веки, смотрел сквозь него. Хачатур тронул его за руку:

– Все хорошо, дорогой, все хорошо. Тебе скоро станет лучше. Лечение идет успешно. Алекс, дорогой, куда ты спрятал бумаги?

Глаза Алекса вдруг увидели компаньона, на один миг в них блеснуло торжество, что отпугнуло Хачатура Кареновича. Первым его порывом было отойти, но он повторил вкрадчиво:

– Алекс, скажи, где бумаги?

Алекс смотрел осознанно, вопрос услышал, из глубины его зрачков вынырнула ненависть, росла, заполняя палату. Вот теперь Хачатур выпрямился, поджав губы, словно отодвигался от ненависти, Алекс его разозлил. Ведь мог говорить, мог, но не хотел.

– Ты не можешь так уйти.

Хачатур Каренович произнес фразу с обидой, как ребенок. Он еще несколько раз просил Алекса сказать, где тот спрятал бумаги, но безрезультатно. Алекс прикрыл веки и больше не открывал, давая понять, что ничего не скажет. Через двое суток он скончался. Когда грузили гроб в самолет, Хачатур Каренович, следя за погрузкой, тихо сокрушался:

– Нивириятно! Совести у людей нету. Эх, Алекс, Алекс... неблагодарный.

Похороны были пышными. Хачатур, как близкий друг и компаньон покойного, находился у тела неотлучно, был печален. Иногда искоса бросал пронзительные взгляды на пришедших почтить память Алекса, будто приценивался к ним. Лидеры всех группировок, как стервятники, слетелись на мертвечину, легавые набежали, городские чины. Хачику чудилось, что против него затеян заговор. В заговоре участвует и покойник, поэтому, глядя на заострившиеся черты лица компаньона в гробу, ловил себя на мысли: будь Алекс сейчас жив, он бы лично выстрелил в его неблагодарное сердце. Страшась, что мысли прочтут недруги, переводил беспокойный взгляд на присутствующих, а на их лицах читал одну лишь фальшивую скорбь. «Шакалы», – думал Хачатур Каренович и вновь обращал взор на Алекса.

Последнее время его настораживала накаляющаяся обстановка между кланами. Поочередно возникали стычки между людьми глав, да и главы интриговали меж собой пока по мелочи, но лиха беда начало. Хачатур держался от всех на расстоянии, заработав статус недосягаемого магната. Однако настало время спуститься с небес, организовать переговоры с главами, пора всех низать на один шампур. Хачатур Каренович слегка повернул голову, мигом к нему наклонился телохранитель, подставив ухо:

– Скажи Тимохе, Булькатуму и Шкалику, что я жду их в порту завтра в любое удобное для них время.

Тот чуть заметно кивнул и остался стоять за спиной Хачика.

После похорон и поминок в ресторане, когда наступили сумерки, Каракуля, Кизила, Сашко и Лию с сыном привез в дом Алекса Васильич. Ехали без разговоров, каждый, видимо, думал, чем займется в дальнейшем. Мужчины собрались в гостиной. Лия принесла им водку и закуску, сама ушла к себе. Васильич разлил по стаканам, над последним задержал бутылку, выжимая капли, сказал:

– Ну, помянем в узком кругу. Хороший был мужик.

Выпив, посидели, не закусывая, затем Каракуль поднялся:

– Пойду прилягу, устал. Охранять некого, так что... всем отбой.

В своей комнате упал на спину, не снимая ботинок, свесив одну ногу с кровати, достававшую до пола, будто прилег на минуту. Закинув руки за голову, Каракуль думал о своем занятии, которое рано или поздно приведет к пуле. Скорее рано, так как охрана типов наподобие Алекса прокладывает верную дорожку на тот свет. Деньжат скопил, на какое-то время хватит. Пора определиться в жизни и заняться чем-то менее опасным. Да вот чем? Но он не из тех, кто нос опускает, всякие там недотепы пускай ноют, а у него глаза, руки и ноги есть, применение им найдет. Еще бы один вопрос решить положительно, тогда можно и мотать отсюда.

Каракуль вскочил на ноги, достал из куртки сигареты и зажигалку, вышел в гостиную. Там горели бра по стенам и никого не было, значит, компания недавно разошлась. А всего-то девять часов. Каракуль закурил, неспешно направился к Лии. Недалеко от двери ее комнаты остановился в нерешительности, почесал подбородок, несколько раз затянулся дымом, загасил сигарету о подошву ботинка и... Дверь Лии приоткрылась.

– Радж... – тихо позвала она. – Радж...

– Поговорить надо, – вынырнул из темноты Каракуль.

Она коротко вскрикнула, быстро вышла, закрыла дверь и прижала ее спиной.

– Как ты меня напугал, – сказала Лия, нервно перебирая пуговицы на плаще.

Каракуль окинул ее беглым взглядом с головы до ног. Показалось странным, что она одета в плащ, а не по-домашнему в халат.

– Ты это куда? – спросил удивленно.

– Никуда. Какое твое дело? Что тебе надо?

Быстрые фразы и испуг навели на подозрения. Он дернул ее на себя, придерживая одной рукой, второй открыл дверь. Лия требовала прекратить шум, потому что сын спит, вырывалась. Войдя с ней в комнату, Каракуль остановился, приподняв брови. Антошка сидел на кровати одетый и обутый для улицы, даже в кепке, а посередине комнаты стояла сумка. Каракуль, отпустив Лию, поставил руки на бедра:

– Так. Значит, сбежать решила? Это нормально. А почему ночью? Почему не утром?

– Я не обязана тебе отчитываться, – отрезала Лия и села рядом с сыном, отвернувшись от Каракуля. – Не хочу оставаться среди мужчин одна.

Тем временем он изучал большую сумку из непромокаемой ткани, принадлежащую Алексу. Лия взяла чужую вещь? За ней такого не водилось. Собственно, вещи здесь теперь ничейные, почему не взять сумку? Но Каракуль не собирался отпускать Лию, вот в чем дело. Он схватил сумку, расстегнул «молнию» и вытряс вещи на кровать:

– Завтра поедешь. У меня к тебе...

Не договорил, потому что сумка все равно показалась тяжелой. Каракуль заглянул внутрь, вещей там больше не было. В чем дело? Лия напряглась, брови свела к переносице, глаза опустила, короче, выдала себя. Каракуль осмотрел сумку, у дна ее оплетала «молния». Дернул замок, потряс, на пол посыпались деньги: рубли и доллары в пачках. Он уставился на Лию, на лице его застыло изумление:

– Ты че, украла?

– Нет! – огрызнулась она. – Александр Юрьевич приказал забрать, если умрет.

– Сколько здесь? – указал подбородком на пол.

– Пятнадцать в долларах, двадцать в рублях, – отчеканила она. – А если бы и украла! У кого? У покойного? Ему они не нужны...

– Правильно рассуждаешь, – прервал ее Каракуль очень спокойно. – Но ты сказала, что он разрешил взять. Бабки где-то лежали. Он сказал тебе, где они лежат?

– Да! – вызывающе ответила Лия. – В сейфе. Код назвал.

– Так. Чтобы Алекс назвал код перед смертью? – рассуждал Каракуль, прищурившись на Лию. – Да он предпочел бы государству все оставить из вредности, чтобы никому не досталось.

Уж я-то его знаю, платил только за работу, да и то жилился. Но он вызвал тебя перед отлетом, сказал код... он попросил оказать ему услугу?

– Нет. Просто взять деньги велел.

– Почему раньше не хапнула бабки и не свалила?

– Потому что он жив был! Я должна была его похоронить. Все, хватит, уходи.

– Хорошо, уйду, – легко согласился он. – А ты подождешь до завтра.

Каракуль взмахнул сумкой, собираясь кинуть ее на кровать, но вдруг мгновенно поймал на лету. Еще что-то есть в ней. Ощупал. Сунув руку в карман под дном, где лежали деньги, выудил увесистую папку. Лия бросилась к нему, намереваясь отнять папку, но он оттолкнул ее:

– Да погоди ты!

Открыв папку, стал просматривать листы. Выпали две дискеты. Он поднял их, сел на стул. Листал долго, наконец поднял на нее глаза, полные неподдельного ужаса.

– Ты знаешь, что это? Ты читала?

– Нет, – зло рявкнула Лия.

– Ты дура? Это же... Нет, ты дура! За это Алекс с тобой расплатился? – Каракуль перешел на остервенелый шепот. – Что он сказал сделать с папкой? (Лия упрямо молчала.) Слушай, лучше не молчи. Это же черная бухгалтерия! Здесь миллиарды украденных бабок! Знаешь, что с тобой сделают, если она попадет... в любые руки?!

– Александр Юрьевич просил меня отвезти папку в Москву и передать в ФСБ, – призналась Лия, потупившись.

– Сволочь он! Так подставить тебя... Да за это он должен был тебе этот дом отписать, наследницей сделать, если хотел сдать всех! А он всего-то... Отсюда, – Каракуль поднял папку, – ниточки ведут даже в Москву! Кому конкретно он велел передать?

– Самому главному из ФСБ... – растерянно пролепетала Лия.

– Фамилию назвал?

– Н-нет. Сказал мне телефон... Этот человек поможет...

– Ты дура! – взревел Каракуль, но тихо. – Если эта папка случайно попадет не в те руки, тебе сразу голову отрежут! Ты поняла, во что чуть не вляпалась?

– Что же мне делать? – испугалась Лия. – Я же обещала... поклялась...

– Где сейчас Алекс? Вот пусть там и отдыхает. Клялась она! Ненормальная! Я освобождаю тебя от клятвы... – Снаружи раздались сигналы машин. Каракуль бросился к окну, слегка отодвинул занавеску. – Так, а вот и Хачик пожаловал собственной тушей. Иди, положи папку на место, быстро! Я задержу его. Если что, ты эту папку в глаза не видела! Бабки спрячь подальше!

Он выбежал на площадку перед домом, когда во двор въехали два автомобиля, из которых вышли семь человек и Хачатур Каренович. Каракуль приветливо улыбнулся, разведя в стороны руки:

– Какой гость пожаловал! Хачатур Каренович!

Хачик тяжело поднялся на площадку, рот его улыбался, а глаза нет. Парни, прибывшие с ним, стали полукругом у крыльца, спокойные, уверенные. Каракуль отметил про себя, что Хачик взял слишком много охраны, а тот тем временем сказал:

– Не ждал? Я подумал, что еще не поздно поговорит. Эст предложение, деловое. Ты разрешишь войти?

– Конечно, Хачатур Каренович, проходите, – услужливо открыл перед ним дверь Каракуль. Люди Хачика последовали за ними.

На шум в гостиную сбежались Кизил и Сашко, беспокойно поглядывали на незваных гостей. Каракуль предложил уважаемому Хачатуре Кареновичу кресло у камина. Тот погрузился в кожу, сложил на животе руки, сцепив пальцы в замок, одними глазами указал Каракулью на кресло напротив, мол, и ты присаживайся, не стесняйся. Но начальник охраны Алекса сначала позвал Лию, когда она прибежала, приказал:

– Неси коньяк, у нас гость.

Только после этого сел на указанное Хачатуром место с вопросительным выражением. «Что за неотложное дело пригнало его на ночь глядя? – думал Каракуль, выдерживая молчаливый взгляд Хачика. – Щас лопнет от важности».

– Ты, – наконец открыл рот Хачик, – здесь хорошо работал. Что сабираешься делать?

– Пока не знаю.

– Сколько пилатил тебе Алекс?

– Полторы косарей «зелени».

– Я буду пилатит два штуки. Пойдешь ко мне?

Предложение не показалось необычным. Много раз он устраивал для Алекса и Хачика показательные выступления, развлекая их: разбивал ребром ладони кирпичи, ногой пробивал пятисантиметровые деревянные щиты, стрелял по цели после кувырка, побеждал людей Хачика в рукопашной. А в общем, это было похоже на концерт в детском садике. Хачик не раз просил Алекса отдать Каракуля, ведь лучшие силы должны принадлежать ему, но тот тоже был тщеславным, не отдавал. Сам же Каракуль не переходил на более выгодную службу потому, что не хотел проблем – не простил бы предательства Алекса, да и Лия жила не у Хачика. Но почему-то именно сегодня предложение прозвучало как покупка.

– А ребята? – кивнул в сторону Кизила и Сашко Каракуль.

Хачик нахмурился, что-то высчитывая в уме. В это время в гостиной появился и Василийч, скромно подпер собой дверной косяк.

– Пиреданные люди всегда нужны, – сказал Хачик. – И шофера беру.

Без сомнения, покупал. Хоть и скотским характером славился Алекс, а был он проще Хачика, возле которого нельзя расслабиться ни на секунду. Хачатур Каренович – хитрый, как лиса, скользкий, как уж, жестокий, как гиены в стае. Каракуль не готов был к отказу, не понимал, зачем так спешно последовало приглашение на службу, посему, решив сначала узнать истинные мотивы Хачика, поднял руки вверх в знак согласия:

– Заметано.

– Завтра приступите к обязанностям. Жит можете здесь, – великодушно разрешил Хачик, словно этот дом теперь принадлежал ему. Задорого покупал. – Скажи, Каракуль, ти не знаешь, где у Алекса сэйф?

– Вот чего не знаю, того не знаю, – с непосредственной простотой ответил тот. – Думаю, никто в доме не знает, где сейф. Так можно обыскать и найти.

– Обискат? – насупился Хачик. – Это долго. Мне сегодня он нужен.

Вошла Лия с подносом, поставила на стол бутылку коньяка, рюмки, блюдо с нарезанным лимоном и коробку с шоколадом, зная, что гость любит сладкое. Хачатур очень внимательно следил за каждым ее движением и за лицом. Когда она поспешила уйти, остановил:

– Подожди, Лия. – Она замерла, прижимая поднос к груди. – Зачем тебя визивал Алекс перед отлетом в Швейцарию? Какой секрет сказал?

– Никакого, – ответила она, потупившись.

– На меня смотри, – приказал Хачик.

Лия подняла глаза, опустила поднос и вытянулась в струну. Хачатур умеет пронизывать взглядом, словно обладает телепатическими способностями и читает тайные мысли. У Лии комок перекрыл горло, однако она мужественно сказала:

– Он просил не оставлять Раджа, если умрет.

– Хорошо, – недоверчиво произнес он. – Ти здесь убирала, знаешь все угли в доме. Где сэйф Алекса, знаешь?

– Да. Он не велел показывать, – не стала врать Лия.

Это был правильный шаг с ее стороны, что и отметил про себя Каракуль. Хачик удовлетворенно закивал, затем внушительно сказал:

– Я очень тебя прошу показат сэйф.

Лия опустила голову, мельком бросив вопросительный взгляд на Каракуля, тот чуть заметно кивнул: мол, покажи. Хачатур рассердился:

– Я не люблю ждат!

– Пойдемте, – проговорила она.

За нею двинули все. На кухне Лия открыла кладовую, где хранила принадлежности для уборки. Там же встроены полки снизу доверху, на них стояли пластмассовые и стеклянные банки, покоились инструменты. Лия взялась за полку посредине и потянула на себя. Она легко поддалась, показалась стена со встроенным в ней сейфом. Лия вышла, а Хачик заглянул внутрь кладовой:

– Узнаю Алекса. Что он хранил там?

– Деньги, всякие бумаги приносил, золотые вещи...

– Значит, ты видела, как он туда положил их?

Лия смутилась. Получилось, что Хачик ловко выудил правду и теперь сверлил ее умными глазами: его-то мысли прочесть невозможно. Подумав, она утвердительно кивнула. Хачик еще раз посмотрел на сейф, который ломом не взять, затем на Лию:

– И ты ни адын раз не посмотрела, как Алекс открывает сэйф?

Каракуль, наблюдавший за этой сценой, нервно переступал с ноги на ногу – слишком выдавала себя Лия. Говорила неуверенно, мелкое подрагивание рук и мимика ясно давали понять о беспокойстве внутри, уж Хачик не заметит этого не мог. В данном случае лучше отдать бумаги. Каракуль, зная, что она положила папку на место, пришел на помощь:

– Лия, если ты знаешь код, скажи. Алекса нет, он не обидится.

Она вскинула прекрасные глаза с застывшим в них страхом, произнесла:

– Но... я... поклялась...

Это очень позабавило Хачика, теперь он рассматривал ее, посмевающую не выложить все сразу, так, будто придумывал ей казнь. Вытянув трубочкой губы, Хачик прищурил большие глаза навывкате, а пальцами постукивал по стене. Вдруг резко переменялся, гаркнул, отчего Лия вздрогнула:

– Код!!

Она выпалила несколько цифр. Хачик криво усмехнулся: дата смерти матери Алекса. Элементарно! Можно было и догадаться. Он отошел от кладовой, сделав кивок одному из своих охранников. Тот вошел внутрь, сдвинул рукава куртки к локтям, начал набирать цифры. Открыл. Каракуль не поверил своим глазам. Сейф был пуст. Только пара листочков покоилась на полке.

8

Радж прислушивался к голосам в доме, лежа в спальне Алекса и прижимая лапой ненавистный лоскут. Время от времени опускал нос в кусок от штанины, втягивал запах. На улицах он принюхивался в надежде, что однажды встретит того, кто невидимой рукой сразил Алекса, затем ударил больно и его. Так больно, словно укусил, до сих пор ныла ляжка. Но сегодня пса больше занимали звуки голосов. То они были миролюбивые, то звучали жестко и требовательно. Затем все стихло, пес успокоился, уложил голову на лапы, закрыл глаза. Но вот опять внизу послышались резкие голоса. Что-то происходило в доме, голоса беспокоили. Радж приподнял морду, напряг мышцы...

– Я так понял, – произнес медленно Хачик, глядя в упор на Лию, стоявшую перед его креслом в гостиной, как преступница перед судьями, – из тебя все вибиват надо? Лия, где бумаги Алекса?

– Я не знаю, я не трогала их, – ответила она, вся сжавшись.

Каракуль облокотился о высокую спинку кресла Хачика, изучал Лию с не меньшим любопытством и вычислял, куда она могла деть документы. Хачик не остановится ни перед чем, добывая их. В руке он держал лист из папки, его Каракуль запомнил, потому что тот лежал сверху. «Это какой надо быть дурой, – думал Каракуль, – чтобы не положить папку в сейф! А зачем она оставила листы из папки? Документы найдут у нее в комнате, сын останется сиротой. Может, эта дуреха догадалась спрятать их вне комнаты? Теперь ей нельзя отдавать папку, все равно прикончат. Только бы не нашли...» Пришел охранник и бросил на стол полиэтиленовый пакет. Хачик не поленился податься вперед, развернул.

– Что это, Лия? – спросил, хотя всем были видны пачки денег, следовательно, в ее комнате обыск уже сделали.

– Это мои деньги, – сказала она довольно твердо.

– Так много? – По лицу Хачика не определить, поверил он или нет.

– Я работала у Александра Юрьевича два года, скопила.

– Он хорошо нам платил, – вдруг вlepил глупость Сашко. Глупость, потому что домработницам не платят столько. И такую сумму ей «скопить» невозможно.

– Ей он мог не платить так, как охране! – отчеканил Хачик, затем перешел на ласковый тон: – Ты украла? Это нехорошо.

– Мне дал их Александр Юрьевич, – кусала губы Лия.

– Врешь, потаскуха! – Хачатур Каренович вышел из себя, побагровел. – Ты взяла деньги и бумаги в сэйфе Алекса. Кроме тебя, никто не знает код. Он сказал код, когда визвал к себе, ты сама сказала! Бумаги били в сэйфе, я знаю. Верни!

– Но у меня их нет! – вскрикнула она и расплакалась, закрыв лицо руками.

– Лия, – вдруг успокоился он, впрочем, спокойствие было напускное, – ты питалась обманут меня. Ты будешь наказана. Если не отдашь бумаги... со мной приехали сэм человек. Лия, я отдам тебя им. Ты хочешь это?

– Хачатур Каренович, отдайте ее мне, – выступил из-за кресла Каракуль.

– Пачему тебе? – повернул тот голову и подозрительно сощурил правый глаз.

– У него давно зуб на нее, – промямлил Кизил, ухмыляясь. – Она надела ему на голову кастрюлю с соусом, и он только и ждал случая проучить девчонку. Алекс не позволял.

– Алекс? – удивился Хачик и даже плечи поднял, мол, не похоже на компаньона, он же терпеть не мог женщин.

– Отдайте ее мне, – повторил Каракуль, вальяжно обходя Лию, – я из нее вытрясу не только бумаги. Мне она все отдаст, вот посмотрите.

Лию била дрожь, это было видно по плечам и рукам, которыми она закрыла лицо. Когда Каракуль попытался обнять ее, она отбила его руки и отпрянула в сторону. Каракуль пожал плечами и развел руками, дескать, строптивая девушка, но меня это не остановит. Охранники Хачатура цинично посмеивались – такое забавное развлечение на скучной работе редко приходится видеть. Кизил никак не реагировал на сцену, а Сашко отвернулся. Васильич вдруг с жалобной интонацией быстро проговорил:

– Да отдай ты бумаги, дочка, на кой они тебе?

– Но у меня их нет! – закричала она, отходя к стене. – Господи! Неужели думаете, я их не отдала бы? Поверьте мне...

– Они там били! – поднял лист из папки Хачик, сверкая гневом. – Никто, кроме тебя, не знал, где сэйф. Никто не знал код.

В это время по лестнице, тяжело громыхая и с предупреждающим рыком, сбежал Радж. Остановившись возле Лии, оглушительно гавкнул несколько раз и замер, опустив голову вниз, будто собирался бодаться.

– Уберите Раджа, – сказал Хачик. – А то скажу застрелит его.

Каракуль махнул Кизилу, который, ласково повторяя имя пса, взял его за ошейник и повел на кухню. Там бросил на пол замороженное мясо, пес набросился на еду, а Кизил вернулся в гостиную, где шел торг.

– Кто еще хочет Лия? – объявил аукцион Хачатур.

– Прошу вас... – пролепетала она, бледная, как стена.

Трое охранников Хачика подняли руки сразу, затем еще двое. Хачатур наградил удивленным взглядом оставшихся двоих, и те нехотя тоже подняли руки. Каракуль закрыл Лию спиной, жестко бросил:

– Сначала моя! Если не скажет, где бумаги, отдам им.

Начальник охраны Алекса набычился, не собираясь уступать первенство. Хачатуру не нужны были проблемы, и ему не важно было, кто да как добудет бумаги. Но в данном случае появился маленький нюанс, рассердивший Хачика: Каракуль позволил себе диктовать условия. Кому?! Хачику! За такое поведение людей безжалостно наказывают. В гостиной даже воздух уплотнился от напряжения, однако Хачик с убийственным спокойствием сказал:

– Ну, раз ты так настаиваешь... Давай.

– Что? – не понял Каракуль.

– Здесь бери. А ми посмотрим.

– Ну, извините... – растерялся Каракуль, однако нашелся мгновенно: – У меня при всех не встанет. Дело-то интимное.

Хачик расхохотался от души, ему подхихикивали его боевики. Затем резко оборвал смех, буряв Каракуля взглядом, и произнес елейно:

– Хорошо, веди в курилка. Так ми будем слишат.

Курилка почти примыкала к гостиной. Сначала надо пройти небольшой коридор длиной два метра, из него можно попасть еще в одну комнату всего в пять квадратных метров и практически пустую. В ней под полом располагался арсенал Алекса. Каракуль схватил упиравшуюся Лию и потащил за собой, в коридоре успел шепнуть:

– Не бойся, только кричи громче. – Втолкнув ее в курительную комнату, напустился: – Ты совсем крышу потеряла? Я что сказал? Отдай бумаги!

Зрение у Каракуля, видимо, расположено не так, как у всех. А еще чутье сверх нормы. Да ведь отец и дед водили в тайгу на охоту, учили замечать то, что обычные люди не видят. На войне приходилось держать все органы чувств настороже даже во сне, от этого зависела жизнь. И сейчас Каракуль всего-то краем глаза заметил объектив кинокамеры, о чем забыл. Значит, вот для чего Хачику понадобилось отправить их в курилку – проверить решил и Каракуля, как он выполнит задание.

Алекс установил две камеры, ведь в курилке часто велись беседы. Гости, не подозревая о них, открыто высказывались об Алексе, иногда он получал информацию, которую от него скрывали. Четыре панно из пеньковых веревок, украшенные керамикой и толстым стеклом, свисали по углам от потолка до пола. В два панно вмонтированы камеры, которые заметить невозможно. Каракуль, начальник охраны Алекса, не только знал об этом, а и сам лично привозил специалиста. Для квадратного помещения понадобилось две камеры, одна никак не охватывала периметр полностью. Стоило включить камеры этой комнаты, как они самостоятельно начинали поиск людей. Выходит, Хачик знал об этом. Значит, кто-то из команды Алекса сдает?

– У меня их нет, – выдавила напуганная Лия. – Я их по...

Не успела договорить, Каракуль впился ей в губы, потащил в сторону, поворачиваясь вокруг, будто танцевал. И засек. Шевельнулась стеклянная бляха на противоположном панно. Все ясно. Хачик у мониторов, он проверяет Каракуля. Тем временем Лия вырвалась, вытирая губы, бросила:

– Не смей, свинья!

Она отбежала в угол. Он, не спеша, двигался к ней, лихорадочно соображая, как же быть. За диванами и креслами не спрячешься, стоят они плотно к стене. Если не изнасилует Лию, это чревато последствиями, прежде всего для нее. Каракуль схватил девушку, дернул на себя, обнял. И не предупредишь: мол, извини, но так надо, – у монитора в смотровой комнате услышат даже шепот! Не доверявший людям Алекс не поспешил на техническое оснащение. А Хачик должен все видеть, все! Лия вырывалась, била Каракуля по лицу, плечам и груди. Он упорно тащил ее на диван, не торопился, ждал, когда она выбьется из сил. А тут еще проблема: не встает. Да у кого встанет под надзором? Только у последнего отморозка. Каракуль повалил девушку на диван, придавил телом. Лия отбивалась, оскорбляла его, а он зло поднял юбку, раздвинул коленями ее ноги. Лия прошлась ногтями по его щеке.

– Дура, – сказал он, сплюнул в сторону и продолжил методично рвать колготки, затем трусики, удерживая руки Лии своей рукой над ее головой.

А все равно никак! Да что он, не мужик, что ли? Каракуль разозлился, расстегнул «молнию». Лия уже перестала отбиваться, так как силы истощились, дышала часто и тяжело. Когда его плоть коснулась женской плоти, все встало на место, он же давно этого хотел, правда, по-другому представлял себе этот момент. Лия вскрикнула, затем обмякла, отвернув лицо в сторону и сжав зубы...

Когда он поднялся, она повернулась к спинке дивана, тихо плакала. Он вышел из курилки. В гостиной никого не было. Точно: наблюдали всем скопом. Каракуль беззвучно выругался, потирая царапины на щеке. Как ни в чем не бывало появился Хачик со свитой, Каракуль поспешил заверить его:

– Молчит. Но скажет, будьте уверены.

Хачатур Каренович проследовал в курилку, строго сказал Лии, которая так и лежала лицом к спинке дивана:

– Это было предупреждение, Лия. Даю сутки. Ты должна дат мне бумаги. Малчика твоего забираю. Если бумаг не будет, убью его, а тебя...

Не договорил, так как многоточие страшней угроз. Каракуль вышел проводить гостя, выслушивая последние указания своего нового хозяина. Антошку вынес из дома телохранитель, держа поперек туловища, тот дрыгал ногами и вопил:

– Мама! Мама!

Радж разволновался на кухне, слыша крики Антона. Он прыгнул к окну, встав лапами на подоконник. Увидел лишь свое отражение, тогда бросился к двери, открыл лапой.

– Мама! Мама! – слышалось со двора.

Радж выскочил из дома, когда Антошку бросили в машину, которая, взвизгнув тормозами, умчалась за иномаркой Хачика. Радж рванул следом.

– Радж! – позвал Каракуль. – Ко мне! Радж!

Но пес растаял в темноте за воротами. Сашко сказал в спину:

– Ну ты и дерьмо, Каракуль. Ты хуже, чем я о тебе думал.

– Че ты в бутылку лезешь? – встал на защиту Каракуля Кизил. – Он нас без работы не оставил, а ты... Да что, убудет от нее?

Оба разошлись по комнатам. Каракуль сгонял в смотровую каморку на третьем, нежилом этаже. Да, акт насилия наблюдали, камеры даже не выключили. Он отключил их, спустился вниз, заглянул в курилку. Лии там не было. Пошел искать, открывая все двери по пути. Она на кухне пила воду. Каракуль вошел и плотно закрыл за собой дверь:

– Лия...

– Не подходи, подонок! – И запустила в него стаканом, но Каракуль увернулся, стакан разбился о дверь. Затем она выхватила огромный кухонный нож из стояка. – Мразь! Ублюдок!

Лия бросилась на него, размахивая ножом. И сомнений не было, что пустит его в ход. Каракуль ловко поймал ее руку, заломил за спину, подождал, пока нож выпадет. Но стоило отпустить Лию, она вновь накинулась на него с кулаками. Тогда Каракуль обхватил ее так, что она не смогла, как ни старалась, вырваться. Подтащив ее к раковине, открутил кран на полную мощность, сунул голову Лии под струю воды:

– Охладись.

Снова у нее иссякли силы, она обмякла. Каракуль рывком усадил ее на стул, присел на корточки перед ней и заговорил шепотом:

– Ты что, больная? Хачик наблюдал за нами по монитору. Если бы я не сделал этого, тебя сейчас пилили бы семь человек без остановки. Ты хоть понимаешь, что это такое? Я же тебя спасал. Один – не семь!

– Вы все подонки и сволочи, – разрыдалась она. – Один Алекс был человеком.

– Алекс? – усмехнулся Каракуль. – Не обольщайся, Алекс был такой же, как Хачик, ты просто не знала его. А с тобой играл в благородного, нравилось ему так. Надоело бы, тоже неизвестно, что с тобой сделал бы. Лия, где ты спрятала эти чертовы бумаги? – взял ее за подбородок.

– Я положила их в сейф! – огрызнулась она и ударила его по руке.

– Тише! А куда ж они делись? – Лицо Каракуля вытянулось. – Постой, там лежали два листа, раньше они были в папке... Выходит, кто-то узнал код, забрал папку, а листы оставил, чтобы сомнений не было, что это ты взяла... Ты одна была, когда вернула в сейф папку?

– Да, да, да! Я не хочу тебя видеть, – и вскочила.

– Сиди! – усадил ее на стул. – Я понимаю, тебе не того... но пережить можно! Сейчас думай не только о себе, а об Антошке. Его увезли. Хачик дал всего сутки, ты слышала? Если мы не найдем папку...

– Ты что же, помогать мне будешь? – с сарказмом произнесла она, всхлипывая.

– Послушай меня, я сделаю все, чтобы вернуть твоего Антошку. И чтобы тебя потом не разорвали люди Хачика. Но вспомни, кто находился поблизости, когда ты положила бумаги в сейф? Быстро напряги память!

– Я никого не видела, никого, – тряслась она в истерике.

– Иди к себе в комнату, – поднялся Каракуль. – Мне надо подумать.

Лия тяжело поднялась, горько рыдая, ушла.

9

Радж бежал за автомобилем с Антошкой по улицам, которые словно вымерли. Когда машина скрывалась за углом, не прибавлял темпа, а добегал до угла и на секунду приостанавливался, пытаясь разглядеть в темноте огоньки. Потом срывался и сначала скачками наверстывал расстояние, затем, приблизившись к автомобилю, переходил на размеренный бег. Бывало, приходилось мчаться со всех ног. Это когда машина с Антошкой неслась по ровной дороге как ветер. Дог не привык к длинным дистанциям в беге, заметно уставал и отставал. Наконец потерял из виду автомобиля. Радж остановился на перекрестке, вывалил язык, с которого стекла слюна, бока его часто вздымались. Он прислушался, потянул носом воздух. Определив направление, откуда тянуло выхлопными газами, уже не спеша потрусил по дороге, останавливаясь на перекрестках.

Город хорошо был знаком Раджу, он исколесил его с Алексом вдоль и поперек, поэтому, очередной раз приняв хавшись и оглядевшись, уверенно потрусил к дому Хачика, у которого часто бывал с хозяином. Услышав голоса, пошел медленно, добрал до решетчатой ограды. Во дворе – а двор такой же огромный, как у Алекса, – из двух машин выходили люди. Радж уже на опыте знал, что люди не всегда добры, кусаются на расстоянии, посему, не выдавая себя, лег у ограды отдышаться. Антошку увел в дом мужчина. Автомобили въехали в гараж, люди ушли в дом, сразу же во двор выпустили двух ротвейлеров. Радж положил на лапы морду, иногда приподнимал голову и смотрел на дом.

Прошло много времени, прежде чем в доме погас свет. Радж выждал еще немного, затем вышел из укрытия, зарычал, обнажая клыки. Мигом ротвейлеры кинулись к ограде, громко лая. Радж перебежал на другую сторону узкой улицы, бежал за цветником, издавая рычание. Псы разрывались от лая. Из дома к ограде побежали охранники. Радж лег на живот и затих, изредка тихонько поскуливая, отчего собаки просто бесились. Охранники обошли ограду с пистолетами наготове, один вышел на улицу. Не имея собачьего обоняния и слуха, спрятавшегося за цветником Раджа не обнаружил, вернулся:

– Ложная тревога.

Охрана ушла в дом, псы успокоились, улеглись у ограды. Радж высунул голову из-за распутившихся тюльпанов, нарциссов и ирисов. Пора. Он выпрыгнул на дорогу. Собаки вскочили, разлаялись. Радж – назад, перепрыгнул цветник и до выхода охранников метался из стороны в сторону, издавая грозный рык. Люди вновь побежали к ограде, а Радж замер у забора напротив, слившись с темнотой.

– Может, псов на улицу выпустить? – предложил кто-то из охраны.

– Хачик не разрешает, – отмахнулся охранник. – Раз выпустили, так порвали пьяного мужика. Шума много было. Да из-за котов бесятся, весна же...

Охрана Хачатура вернулась в дом.

Подобные трюки Радж проделывал не однажды, когда хотел стащить со стола что-нибудь особенно понравившееся. Он обманывал сразу несколько человек, отвлекал их, потом пировал под дружный хохот. Только сейчас чувствовал, игра много опасней, вот и был осторожен. Он хотел пробраться во двор и поискать Антошку, а для этого надо сделать так, чтобы злобных ротвейлеров заперли. Выждав минут десять, Радж снова показался псам. Теперь уже щелкали запоры соседей в домах напротив:

– Да что это такое! Уймите псов! Нам на работу завтра!

Охранники, огрызаясь, снова ушли. На четвертый раз разразился настоящий скандал. Радж лежал, слушая, как орут люди, и даже глаза прикрыл. Наконец псов увели в дом, наступила тишина. Радж вышел из укрытия, пробежал несколько раз вдоль ограды. Лаза не нашел, но обнаружил место, куда не доходил асфальт, принялся рыть лапами землю у ограды...

Антоша тоже не спал. Когда его привели в комнату на втором этаже и приказали вести себя смирно, он согласно кивнул: дескать, понял. Его заперли на ключ. Позже охранник заглянул к Антону и велел ложиться спать. Мальчик разделся, аккуратно сложил на спинку стула вещи, лег. Человек выключил свет, ушел, потом еще раз приходил, но Антоша притворился спящим. Ему через полгода восемь лет, и только дураки думают, что он маленький и глупый. Каракуль, например, то пистолет без обоймы давал подержать, то за рулем разрешал посидеть, то играл с ним, считая, что Антоша не понимает настоящих его мотивов. Да подлизывался из-за мамы! В начале Антон здорово струсил, когда его увозили, а потом решил, что приключения не помешают. Вот сбежит да как расскажет одноклассникам, все завидовать будут. В классе он примерный ученик, а так иногда похулиганить тянет – сил нет. Но мама просила вести себя хорошо, каждый день просила, и он ее не огорчал. Дядьки в машине ругали маму, а она не говорила слушаться их, значит, он может действовать сам. «Эх, парочку бы пистолетов! – думал Антон. – Я бы показал им».

Антоша исследовал окно, не включая света. Во дворе горели фонари, так что в комнате не на ощупь действовал. Попробовал открыть фрамугу, не получилось. А форточка большая, рама двойная, запросто пролезет. Вдруг во дворе взбесились собаки. Антон смотрел в окно, видел двух охранников, ходивших вдоль ограды. Как же сбежать, когда во дворе такие страшные собаки? Антоша загрустил. Псы во второй раз разлаялись, мальчик бросился к окну из любопытства. И только с третьего раза заметил...

– Радж? – воскликнул и зажал рот ладошкой. – Радж пришел спасти меня!

Антоша искал, из чего сделать веревочную лестницу. Ну, не лестницу, веревок-то нет, а что-нибудь длинное, по чему можно спуститься, как в кино это делают. Снял наволочку и связал с простыней. Маловато. А занавески? Их не снять – высоко, дергать нельзя, карниз упадет, на шум сбегутся. Антоша вспомнил, что в кармане есть перочинный ножик, подаренный подлизой Каракулем, достал и принялся резать занавеску, встав на подоконник. Взмок. Отрезав занавеску, перерезал ее пополам, связал. Но тут за дверью раздались шаги. Антоша сунул все под кровать, лег. Казалось, стук его сердца слышен в коридоре. Шаги прошли мимо! Мальчик вскочил, привязал к крючку на раме конец, выбросил в форточку «кишку» и посмотрел вниз. Не видно, достала она до земли или нет. Стул не поместился на подоконнике. Антоша рыскал по комнате, ища какой-нибудь предмет, чтобы можно было на него встать, а с него вылезти в форточку...

В это время Каракуль на цыпочках и босиком, держа армейские ботинки в руках, обходил дом. Из комнаты Кизила раздавался храп, значит, спит он крепко. У комнаты Сашко стоял долго, прислушиваясь к звукам. Было тихо. Но вот Сашко заворочался на постели, значит, тоже спит. Васильич одинокий, живет где-то за городом, поэтому часто остается в доме. Ему отвели небольшую комнату на втором этаже. Каракуль и у его двери задержался, прислушиваясь. Не выдержал, приоткрыв дверь, краем глаза обвел комнату. Увидел вещи на спинке стула, на кровати фигуру. Порядок. Два часа ночи. Он поспешил к Лии. Ее комната оказалась закрытой изнутри. Он постучал, на стук никто не ответил. Каракуль предупредил:

– Высажу дверь. В твоих интересах открыть.

Молчание. А шуметь нельзя. Беззвучно чертыхаясь, Каракуль взял в кладовой на кухне инструменты и принялся выламывать замок. Он часто поглядывал на часы, затем продолжал торопливо орудовать стамеской, скрежеща зубами. Выломав замок, ворвался в комнату. Беспорядок царил там редкостный. Лия лежала на кровати лицом к стене. Да жива ли? Каракуль бросился к ней, повернул. Она прижимала к груди нож, глаза были открыты и отведены в сторону. Он с облегчением вздохнул, осторожно вынул из рук нож и бросил на стол, только потом приподнял девушку за плечи:

– Лия, очнись. Прости меня. Так надо было, пойми... Лия, ты должна одеться и пойти со мной, слышишь?

– Зачем? – вяло произнесла она.

– Тебе нельзя здесь оставаться.

– А он убьет Антошку? Нет.

– Пусть попробует! Тогда я его заставлю яйца свои съесть. Одевайся. – Видя, что она не двигается, Каракуль принялся перебирать ее вещи, валявшиеся повсюду. – Держи свитер, надо потеплее одеться, там холодно. Брюки есть? Нет? Ну ничего. Держи еще это... колготки... Сапоги... на каблуках не годятся. Кроссовки бы... да ты не носишь. Ладно. Вот туфли... Лия, одевайся.

– Никуда не пойду, – упала она на кровать.

– Вставай! – прошипел он сквозь зубы и снова усадил ее, стащил халат, натянул один свитер, затем второй. – Другого выхода у тебя нет.

Лия была как тряпка, можно подумать, напилась или травки накурилась. Только она не пьет и уж тем более не курит. Каракуль ударил ее по щекам два раза. Она очнулась, стала махать руками в ответ, не попадая по цели. Он предупредил:

– Если нас услышат, ты останешься здесь. Тогда я ничем уже не помогу. Собирайся... твою маму! Я отвезу тебя в надежное место, потом вернусь и заберу Антошку. Без тебя мне это легче сделать.

– Ты вернешь мне Антошу? – наконец дошло до нее. – Умоляю... если ты...

– Живо! – прервал он. – Мне сюда вернуться надо до рассвета.

Лия закивала головой, надела колготки, узкую и длинную юбку, сверху набросила плащ, обулась. Каракуль взял ее за руку, повел по коридору, из осторожности прикладывая палец к губам. Выкатив из гаража джип, открыл ворота. Чтобы звук мотора не услышали в доме, откатил машину подальше. Затем, скомандовав: «Садись», запрыгнул на сиденье. Взревел мотор, и джип помчался к горам...

Антоша сначала сел на раму, спустив ноги за окно, потом с кряхтеньем повернулся, упираясь локтями в края форточки. Постепенно ослабляя руки, встал на маленький выступ с внешней стороны окна. Вцепившись в жгут из простыни и занавески, посмотрел вниз. Ему вдруг стало страшно, так страшно, что затоснило. Он зажмурился, некоторое время подождал. Но теперь поздно возвращаться назад. Либо закричать надо, чтобы пришли и вытащили, либо спускаться вниз. Представив, какая его ждет трепка, если разбудит дядек, Антоша обхватил ногами жгут, как учили на физкультуре лазать по канату, и, жмурясь от страха, принялся сползать. Это оказалось не так просто. Да и канат в школе недлинный, а здесь... А вдруг упадет и разобьется? Антон от ужаса замер, но провисел так недолго: слабели руки, соскальзывали.

Он не знал, что закрепил свой «канат» на крючке окна плохо. Когда Антоша стал спускаться, крючок повернулся от тяжести, и узел начал сползать с него...

Выехали на проезжую дорогу в лесу. Джип кидало из стороны в сторону, но скорость – это время. Каракуль выкручивал руль, рассуждая вслух:

– Нас было в доме пятеро. Я, ты, Кизил, Сашко и Васильич. Так? Я пошел встречать Хачика, ты что делала?

– Побежала на кухню, открыла сейф... Ты не знаешь, там еще шкатулка была с украшениями. Она тоже пропала.

– А ты чего не взяла ее? – И Каракуль вытаращился на Лию, как на невидаль.

– Мне Александр Юрьевич сказал забрать только деньги.

– М-да-а, – многозначительно протянул Каракуль и покачал неодобрительно головой. – Значит, ты положила папку в сейф, закрыла и ушла к себе? Никого по дороге не встретила?

– Никого... нет, мне показалось, что...

– Ну! Говори все, что тебе показалось.

– Кто-то зашел в комнату для гостей. Да, перед тем, как я пробежала мимо нее, возвращаясь к себе, показалось, щелкнул замок. Да, совершенно точно.

– Но чтобы узнать код, надо стоять у тебя за спиной. Сейф ведь в кладовой.

– Нет, за спиной никто не стоял, я проверяла.

– До сегодняшнего вечера ты сейф открывала?

– Нет.

– Если тот, кто украл бумаги, знал код, почему не забрал их раньше? Не знаешь? А я отвечу. Он не знал код до сегодняшнего вечера. Вот как он подсмотрел за тобой – загадка. Это кто-то из троих: Кизил, Сашко, Васильич. Или ты врешь мне.

Лия возмущенно отвернулась. Собственно, нет причин не доверять Лии, но сейф! Это же не кейс вскрыть. Кто же из троих? В принципе ему чихать на папку, вытащит Антошку, а там – Хачик и его свора увидят от них большой-большой привет.

– Да, забыл сказать, Хачик забрал твои деньги, – вспомнил Каракуль.

– Пусть берет, раз ему мало. Мне нужен только Антоша.

Фары осветили поляну и деревянный двухэтажный домик. Каракуль выключил двигатель, бросил: «Пошли», – и прыгнул на землю. Ключ нашел в потайном месте. Войдя в холодный и темный дом, с помощью фонарика отыскал канделябры и зажег свечи. Оглянувшись на Лию, жавшуюся к стене и с опаской наблюдавшую за ним – очевидно, ждала подвоха, – сказал подбадривающим тоном:

– Ну, охотничий дом Алекса ты знаешь хорошо, так что располагайся. Тебя здесь искать не будут. Растапливай камин, а я пойду электрогенератор запущу, и будет свет.

– Я с тобой, – вдруг вызвалась Лия.

– Да не бойся. Тут даже зверей не водится, они в глубине леса, далеко. Ну ладно, идем, посмотрим, как запускать, вдруг пригодится.

Вскоре в доме загорелся свет, Лия растапливала камин, а Каракуль давал последние указания:

– Еды полно в погребе. Дрова за домом. Вода в цистерне, а неподалеку течет ручей. Кровати наверху. Следи за камином, чтобы не сгореть самой. Жди, я приеду с Антошкой... – и направился к выходу.

– Мне страшно, – пролепетала Лия.

Он вернулся. Достал пистолет:

– Вот тебе лекарство от страха. Так снимается предохранитель. Дальше все просто: целишься и нажимаешь на курок. Повтори.

Она кое-как справилась с предохранителем, но Каракуль решил, что вряд ли ей пригодится здесь оружие, махнул рукой:

– Сойдет. Да, учти, пистолет держи на предохранителе, так положено. А то нечаянно заденешь курок, он и выстрелит. Поняла?

– Да, – опустила она глаза. – Пожалуйста, быстрее привези...

– Лия, Антона еще надо забрать у Хачика, а это не котлеты жарить.

Он постоял несколько секунд, словно вспоминая, что еще не сказал. Ресницы у нее... а шея... а грудь... Каракуль глубоко вздохнул и рванул к джипу.

Ноги не нащупали «канат», значит, кончилось сползание. Антоша содрал кожу на ладонях, страшно болели руки, хотелось встать на ноги. Он глянул вниз, испугался еще больше. «Канат» действительно закончился, а до земли далеко. Вдруг у ограды заскулил Радж. Антоша решил все-таки прыгнуть. И только хотел опуститься на самый-самый конец, как почувствовал, что летит вниз вместе с «канатом». Мальчик стиснул зубы, стараясь не закричать, и

грохнулся оземь, почувствовав резкую острую боль в ноге. Застонав и покатавшись по земле, попробовал встать. Больно.

За прутьями ограды бегал Радж, скулил. В доме залаяли собаки. Антоша торопливо заковылял к Раджу, хныча от боли. Как дальше быть? Прутья ограды длинные, теперь он ни за что не взберется по ним. У Алекса ночью через ограду пропускали слабый ток, Антошу предупреждали, но он проверил лично, дотронулся, а прутья как укусили. Он тогда долго ревел. Вдруг и тут ток?

Радж подбегал к Антоше и скачками отбегал. Так несколько раз, словно звал за собой. Антон захромал вдоль ограды. Радж обогнал и принялся рыть лапами землю. Подойдя ближе, Антоша заметил довольно большую ямку с внешней стороны. Пес, попытавшись пролезть во двор, не смог этого сделать – мал подкоп. Антон запросто пролезет, осталось только немного выгрести земли с этой стороны. Мальчик заработал руками, не хуже собаки роя землю. Вскоре выбрался. Радж прыгал вокруг, но не лаял. «Умный», – подумал Антон, взял за ошейник пса и побрел, хромя, к маме.

10

Утро. Хачатур Каренович сидел на кровати в полосатой пижаме с самым грозным видом, какой только можно представить. Трое охранников стояли перед ним, держа связанные тряпки, и молчали.

– Что это? – спросил патрон, указав глазами на тряпки.

– Сбежал, – набравшись храбрости, сказал один.

– Кто сбежал? – поднял густые брови Хачатур.

– Пацан, – ответил старший из охраны дома. – Связал простыни и занавески, перевернул напольную вазу, встал на нее и вылез через фор...

– Что ты сказал? – побагровел Хачатур Каренович, обвислая кожа на скулах мелко задрожала, выдавая ярость. – Малчик сбежал?! От вас?! За что я вам такие бабки пилачу? А?

– Да кто ж знал, что ребенок додумается со второго этажа...

– Молчат! – заорал патрон злобно. – Козлы! Всех вигоню! Всех! А собаки? А ограда? Или и ворота ви забили закрыт?

– Собак вы велели завести в дом, взбесились они. А пацан вырыл подкоп под воротами и сбежал.

– Маленький малчик вирил подкоп?! Нивириятно! Чем он вирил?

– А х... его знает, – развели все трое руками.

– Вон отсюда! Что это за дети пошли? Бандити какие-то! Но какой малчик! Это... это просто большой маленький негодяй!

Зазвонил мобильный телефон.

– Хачатур Каренович, телефон, – услужливо подсказал охранник.

– Слишу! – рявкнул тот. Выслушав, выпрямил спину, лицо его прояснилось. – Звонил Кизил, малчик домой пиришел. Поезжайте за ним. И в подвал его посадит, чтоб больше не сбежал! Подкоп он вирил! В подвал! Чтоб не вирил болше подкоп!

Первым проснулся Сашко, он-то и встретил Антошу с Раджем. Мамы не оказалось дома, что расстроило мальчика. Сашко успокоил ребенка: мол, она вышла на минуту, отвел на кухню покормить. Антон взахлеб делился впечатлениями о приключениях, хвалил Раджа, который поедал свою порцию требухи. На кухню приплелся Кизил, вдвоем они вправили ногу Антоше, перевязали, тот, конечно, разревелся от боли. Сашко похлопал его по плечу:

– Ты мужик, а ревешь, как девчонка. (Кизил подавал знаки.) Чего тебе?

– Давай выйдем.

– Ну, ты ешь тут, – сказал Сашко, – мы сейчас...

Антоше очень хотелось спать. Он слез со стула, осторожно ступая на больную ногу, вышел в коридор, мечтая поскорее добраться до кровати. Остановили его голоса из комнаты для гостей. Дверь была приоткрыта, тихий разговор долетел полностью.

– Слушай, что ты за человек? – говорил Сашко. – Это ребенок, а ты хочешь отдать его на съедение Хачику? Пусть с Лией сводит счеты, а мальчишку нельзя отдавать ему.

И вспомнил Антон, как Алекс, напившись, называл Хачика людоедом, что он «всех схавал и теперь стал единоличником». Антоша сложил в уме слова Сашко и Алекса, сделал вывод, что Хачатур Каренович хочет съесть и его! Вот почему этот дядька такой жирный.

– Ну, мы теперь у него на службе, обязаны сообщить про Антона, – убеждал Кизил. – Короче, я звоню, мне проблемы не нужны. Такой работенки мы здесь больше нигде не найдем.

Антон вернулся на кухню, сел за стол и положил голову на руки. Вошел Сашко:

– Э, парень, ты, кажется, спишь. Ну-ка, давай я тебя отнесу.

Подхватив мальчика на руки, отнес в комнату Лии.

- Где моя мама? – спросил сонно Антоша. – Когда она придет?
- Мама? И я бы хотел знать. Может, она у Каракуля?
- Что она там делает? – вышел из роли сони Антон.
- Спи, я пойду и скажу, что ты здесь.

Антоша послушал его удаляющиеся шаги в коридоре и стал быстро одеваться. Не забыл ранец, в который уложил самые ценные вещи, когда собирался с мамой уехать вчера: зажигалку, леску и крючки (так хочется порыбачить, но никто не водил его на рыбалку), две гайки, половину бинокля – Алекс отдал, маску для подводного плавания и много чего нужного. Заметив на столе большой нож, сунул его в ранец. Вчера мама не смогла помочь, когда его увозили, не поможет и сегодня, она же одна, а их много. Нет уж, Антон спрячется, позже как-нибудь сообщит ей, где находится, а к людоеду не поедет.

Сашко постучал в комнату Каракуля несколько раз, только потом тот отозвался недобрым голосом. Сашко спросил:

- Лия у тебя?
- Нет. Да заходи, открыто.
- Слушай, а куда она делась? – удивился Сашко, что Лии не было и у Каракуля. – Там Антон сбежал от Хачика и домой пришел...
- Что?!! – вскочил Каракуль с постели, натянул молниеносно брюки. – Где он?
- У Лии спит. А ее нет...

Каракуль, на бегу надевая футболку, летел как угорелый. Но на пороге озадаченно оглянулся на Сашко. Тот заглянул в комнату... Антоши не было.

- Да только что лежал здесь, – и Сашко открыл туалет. – И тут нет. Антон!
- Найди мне парня, слышишь? – прорычал Каракуль.
- Ага, и ты его хочешь Хачатуру сплавить? Так Кизил уже выслушался, звонил.
- Кому?!! – взревел Каракуль. – Кому звонил?
- Хачику. Сказал, что «малчик здэсь».

Каракуль оттолкнул его, выбежал во двор, затем на улицу. Пробежал до одного переулка, рванул назад и добежал до другого. Антоши нигде не было. Из-за угла вырулила одна из тачек Хачика.

Без пяти одиннадцать утра на территорию порта въехали одна за другой три иномарки. Первым прибыл Тимошенко, торопливо вышел из «Рено», воровато и суетливо огляделся. Это был худой долговязый мужчина с обманчиво простодушным лицом, которое давно никого не обманывает, ибо все в городе знают алчную, хитрую и подленькую натуру главного «санитара». Поговаривали, что Тимоха неравнодушен к смазливим юношам. А главная его страсть – шик во всем. Например, шмотки. Тимоха подбирает костюмы и рубашки в одной цветовой гамме, но никак не противоположного колера, разве что галстук. В это солнечное утро он предпочел цвет весенней зелени в одежде. Тимоха безмянным пальцем тронул маленькие усики над верхней губой и засмотрелся на приближающийся лимузин. Обогнув клумбу, лимузин плавно подкатил к ступенькам, ведущим в здание управления портом.

Питейный барон Адам Рудольфович по кличке Булькатый внешне ничем не примечателен, кроме разве того, что похож на бульдога. Ему за пятьдесят, тогда как Тимошенко сорок, он очень полный, как и Хачик. Адам постоянно потирает кончики пальцев, словно посплюнвил их, чтобы приступить к подсчету бумажных купюр. Характером крут, высокомерен и злопамятен, скор на расправу, не прощает ни единой мелочи.

Адам Рудольфович уже поставил ногу на первую ступеньку, когда его окликнул Тимошенко. Он подождал, пока тот подойдет, глядя мимо него на несущуюся к ним машину. Рядом

с лимузином встала БМВ. Казалось, там, кроме водителя, нет больше людей, но вот шофер выбежал, открыл дверцу, на тротуар сполз Петя Бутылкин.

Сколько лет ему, никто не знал. Костюмы шил Петя за рубежом, баловал себя золотыми побрякушками, пил горькую литрами и, что удивительно, еще не спился. Носил Петя туфли с узенькими носками и на высоких каблуках, однако роста ему они не прибавляли. Он всегда излишне серьезен, неласков, а то и вовсе груб.

Все трое поздоровались настороженно и направились к стеклянным дверям. Петя зашагал впереди, как пионер, чеканя шаг да размахивая коротенькими ручонками. Тимошенко и Булькатый переглянулись и, не сговариваясь, беззвучно прыснули. Откровенно насмеяться над Шкаликком не решались. У Пети сильная банда отморозков, способных учинить разгром, какого город не знал. Одних вышибал соберет, а тем только дай кулаками помахать.

Хачатур Каренович встретил их в кабинете радушно, ведь из врагов делать врагов в квадрате глупо. Да и планы относительно трех кланов несколько изменились в связи с удручающими обстоятельствами. Будь у него сегодня бумаги Алекса, он бы прищемил хвосты всем троим. Теперь же предстояло дипломатично это сделать, то есть все равно дать по носу, внушить, что все повязаны, а концы веревок у Хачика. Гости устроились в массивных кожаных креслах, внешне не выражая интереса, хотя каждого терзало любопытство, для чего их созвал Хачик. Мигом секретарша и официант из ресторана нанесли на стол ананасов с бананами, минеральную водичку, коньяк разлили в бокалы и обнесли с подносом приглашенных. Петя Бутылкин опорожнил свой бокал и напрямик спросил грубым тоном:

– Говори, Хачатур Каренович, зачем сходку устроил?

Хачатур за глаза Петю называет даже не Шкаликком, а исключительно гнидой из-за его беспардонности и невежества. В данную минуту, когда он намеревался ненавязчиво расположить этих тварей к доверительной беседе, Шкалик все испортил. Ну да! Петя свою независимость выпячивает! Вообще-то каждый из троих уже ощутил силенки в кулачках. Это никуда не годится и ведет к радикальной войне, а война – вещь нежелательная. Проанализировав вчерашние события, Хачатур пришел к выводу, что о бумагах прознали и противники, сидевшие с невинными рожами. Возможно, Лия действительно не трогала их, в таком случае кто-то из этих мерзавцев подослал своего человека, тот и выкрал бумаги. Он не надеялся, что вор признается да покается, решил по лицам, фразам и поведению определить, что конкретно им известно, а там уж действовать по наитию. Хачатур Каренович выпил глоток, поставил бокал на стол и вздохнул. Посмотрел на каждого своими большими непроницаемыми глазами и начал:

– Ви все знаете, что Алекс погиб. Не скрою, я пиринес большой-большой удар. Но, господа, эст кое-какие детали, они касаются и вас. Вот тарелька. – И Хачик поднял красивую тарелку. Кстати, ему не всегда удается произнести твердо букву «л», и когда в его речи «л» звучит мягко, это свидетельствует о волнении. – Одно целое. Но ударил по тарелька. – И Хачик цокнул по ней десертной ложкой, кусок фарфора отвалился. – И все. Тарелька никуда не годится, – отбросил ее в угол.

– Думаю, – вступил Адам Рудольфович, которого всегда раздражали иносказания Хачатура, – что выскажу общее мнение: нам непонятны твои намеки, говори яснее.

– Ясней? – Хачатур Каренович вдохнул глубоко, задержал вдох, затем приступил к объяснениям: – Ми с вами одно целое в этом городе. Адын упадет – всех потянет. Алекс погиб, но оставил кое-какие бумаги. Эсли они попадут в чужие руки, всем не поздоровится, всем. Ви все проходили через мой порт, так? Я всем давал заработат, так? Алекс вел учет вашим и моим делам. Так вот, бумаги пропали из сейфа Алекса. Вот два листа из папка.

Листы обошли гостей. Собственно, это титульные листы, своеобразный перечень присутствующих лиц и их статей безналоговых доходов. Наступила долгая, мучительная пауза. Петя достал сигареты, чиркнул зажигалкой, закурил. Снова ни одного движения, но и волнения не наблюдалось. Паузу прервал Хачатур Каренович:

– Скажу больше. Когда в Алекса первый раз стреляли, он предупредил, что если его убьют, всем будет плохо. И что у него есть папка, который заинтересует... – И поднял вверх указательный палец, будто эта папка должна заинтересовать самого господ бога. – Он часто работал дома, документы возил с собой. Нет сомнений, что собрал досье на всех.

– Алекс вел черную бухгалтерию? – поинтересовался Тимошенко.

– Черный... белый... – поморщился Хачатур. – Какая разница? Ви не пишете черной бухгалтерией? Правильно делаете.

– Но Алекс не мог знать до тонкостей нашу черную, – предположил Адам Булькатый, а подтекст прозвучал, что именно ему волноваться нечего.

– Ты уверен? – усмехнулся Хачатур. – Хватит того, чем ви завязаны со мной. Всем хватит до гроба, если бумаги выйдут из города и попадут в... ну, ви знаете куда.

Да, сообщение нерадостное.

– Что вам известно о пропаже, Хачатур Каренович? – спросил Тимошенко, он к Хачатуру всегда обращался с уважительным почтением.

– Алекс перед смертью сказал код служанке. Когда ми вчера приехали, бумаг в сейфе не било, кроме два листа. Лия отрицает, что взяла их. Но больше никто код знать не мог.

– Надо было эту суку на куски порвать, – изрыгнул Петя Шкалик, брызжа слюной, и стукнул кулачком по подлокотнику кресла.

– Экий ты кровожадный, – ехидно промурлыкал Булькатый, покосившись сверху вниз на свирепого Шкалика.

Петя метнул в Адама зверский взгляд, прыгнул с кресла. Налив коньяка в свой бокал больше половины, выглушил залпом. Взяв банан из вазы, вернулся на место, очистил и быстро-быстро съел.

– Кто еще в доме Алекса был? – спросил Адам Булькатый.

– Каракуль, Сашко, Кизил и шофер Алекса. Перед допросом Лии я всех взял на службу, повисил оклад, и ми хорошо допросили Лию, поверьте.

– Я не доверяю людям Алекса, – снова взвился Шкалик.

– Я дал им больше, чем пилатил Алекс, – возразил Хачатур Каренович, дав понять, что деньги делают людей преданными. – Но я допускаю мысль, что у Лии нет бумаг.

В воздухе повис немой вопрос: «Не вы ли, господа, умыкнули папку?» Но у всех троих лица стали одинаково напряженными, выдавая основную мысль: куда делась папка и что в ней конкретно.

– А компьютер просматривали? – подал идею Тимоха и указал на листы из папки. – Это отпечатано на принтере, следовательно, информацию снял Алекс с компьютера. Раз работал дома, данные есть в его персональном компьютере. Только я не понимаю, зачем он перевел все на бумагу, когда проще было записать на дискеты?

– Очевидно, Алекс дал в тех бумагах дополнительные разъяснения, – предположил Адам Булькатый. На интригах он собаку съел, потому и сделал подобный вывод.

– Ми забрали компьютер Алекса, – сказал Хачик. – Мой человек ищет пароль, без него не открыт файлы. Компьютер можно и уничтожить, а вот папку... надо найти.

– Так, – хлопнул себя по коленям Булькатый. – Какие у тебя предложения?

– Забудем старое, и давайте выйдем вместе. Надо...

Подав сигналы мобильный телефон. Хачатур Каренович слушал недолго, отключил телефон и нахмурился:

– Лия с сином бежала. Значит, бумаги Алекса все-таки у нее.

Лично для него это известие было подобно катастрофе. Неосмотрительно оповестил о бумагах противников, но теперь не оставалось ничего другого, как работать сообща. А вот захотят ли они добывать бумаги вместе – вопрос.

Хачатур Каренович прибыл в дом Алекса в сопровождении Адама Рудольфовича, Пети и Тимошенко. Каракуль был искренне расстроен, клялся, что отыщет Лию с сыном, заодно сдвинул стрелки на Кизила, поспешившего позвонить Хачатуру. Выдвинул свою версию: мол, Антон все слышал, сказал матери, что его собираются отправить к Хачику, поэтому они сбежали. Что касается бумаг, то вряд ли они у Лии, она бы не стала рисковать сыном, а бежала из страха, опасаясь за свою и сына жизнь. Но, по убеждению Хачика, человеку, который не виноват, бояться нечего и сбежать нет резона, следовательно, Лия забрала бумаги. Адам Булькатый позвонил в органы, чтобы те установили кордоны на выездах из города. Организовали совместно с милицией поиск по городу молодых женщин с мальчиком лет семи-восьми, пока не размножены фотографии Лии с сыном, которые нашли в ее комнате. За каких-нибудь четыре часа в дом Алекса для опознания привезли десятка два перепуганных насмерть женщин с мальчиками, но отпустили. Их хватили прямо на улицах города. Каракуль вызвался лично на поиски, выкатил джип.

– Погоди, – подбежал к нему Васильич, – я сяду за руль.

– Сашко и Кизил повезли фотки Лии и Антона в милицию, должен же кто-то быть здесь. Я сам справлюсь.

Каракуль допоздна кружил по городу, расспрашивал у встречных людей, не видели ли мальчика около восьми лет, описывал приметы. Но в городе уже распространились слухи о похищениях, от него шарахались. И в особняке новостей об Антоне не было.

Антоша поднялся с Раджем в горы по протоптанной дорожке. Горы Черноморского побережья покрыты густой растительностью. В лесу всегда прохладно, даже в жару, потому что лучи солнца, встречаясь с пышными кронами, теряют силу, достигая земли. Здесь лес смешанный, чащобы непролазные, заблудиться можно так же легко, как и в тайге. Впрочем, некоторые утверждают, что субтропические леса пострашней таежных. Антону не раз это говорили и в школе, и мама. Обостренное чувство опасности заставило не поддаваться искушению бежать далеко в глубь леса, а всего-то отойти от тропинки. Он нашел ложбину, лег на траву и уснул. Радж устроился рядом, касаясь мальчика своим телом.

Проснулся на закате, замерз. Съел колбасы, которую прихватил в доме, поделившись с Раджем. Торопливо собрал сухие ветки, разжег костер.

– Меня Каракуль учил костер разводить, – похвастался перед Раджем. – Мы с тобой не пропадем. Представляешь, Радж, Каракуль говорил, что умеет разжигать сорок видов костров. Ты такому веришь? И я нет. Взрослый, а врет.

Антон подбрасывал в пламя ветки, намереваясь бодрствовать. Но перенапряжение и приключения, видимо, сильно утомили мальчика, он заснул опять, охраняемый Раджем.

11

Утром Каракуль курил и пил горячий кофе на кухне, попутно думал, где же теперь искать Антона. Остальные еще спали. Вдруг у ворот раздалось: гав-гав. Вот тебе раз! Радж. Каракуль вышел открыть псу, тот напрямик ринулся на кухню и гарцевал у холодильника. Охранник достал мясо, бросил на пол, а раньше Лия резала на кусочки, подавала псу в чисто вымытой миске. Радж грыз мороженое мясо, а Каракуль призадумался, стоя над ним:

– И где ты шляется?

Вдруг вспомнил сказочный рассказ Сашко, как пес помог бежать Антошке. Ну, бежать – громко сказано. Однако Радж преследовал автомобиль с мальчиком до дома Хачика, выкопал под оградой лаз, очень возможно, что дог провел все это время с Антошкой. Тогда стоило проследить за ним, Радж вернулся, чтобы поесть, значит, побежит назад к Антону. Только бы не догадались люди в доме, ведь это же легко вычислить. На кухню приплелся сонный Сашко:

– О, Радж! Ты где был?

– В комнате Алекса спал, – соврал Каракуль.

– Одна-единственная собака переживает смерть хозяина, а люди о нем давно забыли бы, если бы не документы. Где ж они могут быть? Неужели у Лии?

– У нее спроси, – пожал плечами Каракуль.

После завтрака Радж рвался со двора, но Каракуль не велел его выпускать, шутил, что пес чует запах сучки. Он собрал совещание в гостиной:

– Давайте подумаем, где Лия прячется. Кто ей помогает? Из дома выходила только в сопровождении наших ребят, которые на рынке и в магазинах выполняли работу носильщиков. Антона водила в школу и из школы тоже под охраной, как требовал Алекс. Часто Антошку отвозили и забирали водители. Все, больше я не знаю, куда она ходила.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.